

Полный текст автореферата диссертации

Российский Государственный Гуманитарный Университет

На правах рукописи

СЕРГЕЕВ Кирилл Викторович

«Божественная Комедия», как философский текст: к истории представлений о сознании в средние века.

Специальность 09.00.03 История философии

Автореферат Диссертации на соискание учёной степени Кандидата философских наук

Москва 2005

Работа выполнена на кафедре современных проблем философии Российского государственного гуманитарного университета.

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор Б.А. Старостин
Официальные оппоненты: доктор философских наук П.С. Гуревич доктор философских наук В.Л. Рабинович
Ведущая организация:

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Защита диссертации состоится 76" ж^ро***. 2005 года в часов на заседании диссертационного совета Д.212.198.05 по философским наукам при Российском государственном гуманитарном университете по адресу 125267 Москва, Миусская пл., дом 6. о?о?£

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан 2005 г

Учёный секретарь

диссертационного совета, /

Кандидат философских наук С.А. Коначева

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования и постановка проблемы.

Данте, бесспорно, является одной из знаковых фигур европейской культуры, и та роль, которую он сыграл в формировании ренессансного типа мышления, а так же, в известном смысле, и мышления нового времени, объясняет тот огромный интерес, который проявлялся к его личности и его текстам на протяжении шести с половиной столетий. Если изначально этот интерес фокусировался на биографии Данте и толковании его главного творения - Комедии, которую Боккаччо снабдил эпитетом "Божественная", то с рождением дантологии, как особого подраздела медиевистики, интерес исследователей стал постепенно смещаться в сторону изучения той картины мира, которая возникает при рассмотрении совокупности текстов Данте, то есть к философским взглядам Данте.

Следует, однако, сразу подчеркнуть специфику современных дантологических исследований. В большинстве исследований, посвящённых Данте, тексты флорентинца рассматриваются с литературоведческих позиций, то есть основные тексты Данте - "Новая жизнь" и "Комедия" - воспринимаются как литературные произведения со всеми вытекающими отсюда следствиями. Между тем на современном уровне исследования Данте прагматика его текстов окончательно не прояснена. Очевидно, что Комедия представляет из собой нечто большее, чем просто поэтический текст или формальный исторический источник. В то же время у нас нет оснований отнести Комедию к сугубо религиозным текстам. Возникает серьёзный вопрос, -к какому жанру можно отнести текст Комедии? Проблема эта исключительно сложная и одновременно, пожалуй, наиболее существенная из всех проблем, стоящих перед дантологией. Основываясь на нашей

исследовательской гипотезе, мы можем предположить, что Комедия является, по существу, философским текстом, принадлежащим к жанру «эсхатологической истории».

Понятие "эсхатологическая история" содержит в себе фундаментальную двойственность. С одной стороны, эсхатологическая история есть изложение конечной судьбы мира и человечества, как то мы видим в Апокалипсисе Иоанна Богослова, и в целом ряде структурно сходных профетических текстах. В этом своем аспекте эсхатологическая история примыкает к корпусу историко-философских дисциплин, обсуждающих эволюцию социального макрокосма, и может рассматриваться как направление историософии. С другой стороны, «эсхатологическая история» может излагать "конечную судьбу" конкретного человека, фиксируя индивидуальный опыт путешествия в иной мир для обретения некоего

знания. Традиционно тексты такого типа рассматривались европейской наукой либо как мистические, либо как ритуальные, то есть связанные с областью религии или мифологии. Между тем, основываясь на анализе значительного числа текстов, принадлежащих к этому направлению эсхатологической истории, можно утверждать, что перед нами - фиксация опыта философской авторефлексии, то есть попытка позитивного описания "путешествия" вглубь своего внутреннего мира, что, бесспорно, трансформирует проблему изучения таких текстов в проблему истории философии. Указанный тип эсхатологической истории мы можем определить как описание "путешествия в себя". Понятие это нами заимствовано из персидской философской традиции, в частности, из послания Гусейни Саадата к Махмуду Шабустари. Правомочность привлечения персидского компаративного материала рассмотрена в отдельной главе нашего исследования. Используя это понятие, мы будем отличать эсхатологическую историю "в широком смысле" как общий термин, обозначающий тексты, обсуждающие судьбу мира и человечества, от эсхатологической истории "в узком смысле" как попытки описания индивидуальной философской рефлексии внутреннего мира, то есть от того, о чём мы в дальнейшем будем говорить как о "путешествии в себя". Следует сразу же сказать, что принципиальным моментом является "нормативность" описания "путешествия в себя" - мы имеем дело с образным языком, своего рода предтерминологией, находящийся в таком же отношении с концептами современной когнитивной науки, в каком находятся средневековые термины алхимии - с понятиями современной химии. Собственно, эсхатологическая история именно как философия "путешествия в себя" и рассмотрена в нашей работе на материале текстов Данте, и ряда иных, структурно сходных текстов.

В последнее время жанр эсхатологической истории "в узком смысле" начинает привлекать внимание историков философии, религиоведов и культурологов. К этому жанру принадлежит значительный корпус как средневековых европейских, так и восточных текстов, которые, по причине неясности своей прагматики, в европейской традиции рассматривались либо как тексты художественной литературы, либо как мистические сочинения, что не позволяло проанализировать их философское содержание. Между тем философский анализ текстов указанного выше типа может пролить свет на то, как в действительности мыслилась средневековым человеком структура окружающего его социального мира, а так же внутреннего мира, мира человеческого разума.

И здесь мы подходим к формулированию фундаментального вопроса, от решения которого зависит то направление, которое принимает наша интерпретация текстов эсхатологической истории, повествующих о "путешествии в себя". Как можно охарактеризовать тот тип знания, что

т*

содержится в текстах рассматриваемого нами класса? Иными словами, имеем ли мы дело с попыткой объективной рефлексии некоей реальности, или только с передачей субъективных ощущений, порождающих поэтические образы? Гипотеза настоящей работы состоит в том, что тексты, относящиеся к жанру "путешествия в себя", которые будут рассмотрены в данном исследовании, могут быть с точки зрения истории философии определены как прото-научные тексты, или, иными словами, как философские тексты, содержащие попытку описать структуру сознания.

Итак, мы можем сформулировать содержание возникающей перед нами научной проблемы следующим образом: какова специфика представлений о структуре внутреннего мира в рамках жанра эсхатологической истории, обнаруживаемых в текстах Данте. Представляется, что данная проблема актуальна по целому ряду причин.

Во-первых, её прояснение даёт нам ключ к пониманию прагматической структуры Комедии, и, тем самым, способствует нахождению ответа на наиболее серьёзный вопрос дантологии - а какова, собственно, была цель создания Комедии?

Во-вторых, обращение к этой проблеме позволяет заполнить существующий в дантологических исследованиях значительный пробел, ибо проблема "Данте и его представления о структуре внутреннего мира человека" на данный момент не только не решена, но и находится на периферии дантологических исследований.

В-третьих, вписывание текстов Данте в круг текстов эсхатологической истории, что неизбежно влечёт за собой компаративный анализ текстов флорентинца и иных текстов, принадлежащих этому же жанру, позволяет по-новому взглянуть на историко-философский, и, шире, культурный ландшафт эпохи Данте, что как нельзя более органично вписывается в современную исследовательскую историко-философскую и культурологическую парадигму.

В-четвёртых, рассмотрение представлений Данте о структуре внутреннего мира сможет создать условия для анализа текстов флорентинца в рамках исследования средневековой философии.

Таким образом, поставленная нами проблема актуальна в нескольких аспектах. С одной стороны, реконструкция Дантовской модели "путешествия в себя" в рамках жанра эсхатологической истории позволяет нам углубить наше понимание тех категорий, в которых мыслилась структура внутреннего мира человека на рубеже средних веков и Возрождения, вернуть терминологическое звучание тому, что ошибочно принималось и принимается за поэтические образы. С другой стороны, анализ описанной Данте структуры внутреннего мира может быть весьма интересен и в ином аспекте - он

создаёт новую перспективу для понимания путей эволюции представлений о человеческом мышлении и сознании.

Исследовательская гипотеза

Вслед за постановкой проблемы и демонстрации её актуальности мы должны высказать предположение, создающее нам перспективную точку, с которой мы будем интерпретировать текст Комедии в частности, и корпус текстов Данте в целом. Наша первичная, базовая гипотеза заключается в том, что два наиболее известных и принципиальных для интерпретации текста Данте - Новая жизнь и Комедия - могут быть отнесены к жанру эсхатологической истории "в узком смысле" и в этом контексте могут рассматриваться с историко-философских позиций.

Выделение жанра эсхатологической истории (в форме "путешествия в себя") как особого типа философских текстов позволяет рассматривать эти тексты как источник для реконструкции философских представлений средневековья о структуре внутреннего мира человека. Исходя из нашего представления о специфике этого жанра, мы можем предположить, что целью "путешествия в себя" является рефлексия и "объективное" описание когнитивных структур человеческого разума. Гипотеза эта будет проверена нами как на материале текстов самого Данте, так и на материале ряда других текстов, принадлежащих к жанру эсхатологической истории.

Цели и задачи диссертационного исследования

В данной работе в качестве центральной поставлена цель реконструировать в общих чертах представления о структуре внутреннего мира человека у Данте Алигьери с историко-философских позиций, раскрыв на этом примере, с привлечением компаративного материала, специфику жанра эсхатологической истории "в узком смысле". Данная целевая установка позволила определить в качестве приоритетных следующие исследовательские задачи:

- Компаративный анализ текстов, принадлежащих к жанру

эсхатологической истории с целью выявления специфики такого типа текстов, как фрагмента средневекового философского дискурса.

- Выявление в текстах Данте первичных метафорических структур, из

которых "развернулись" его представления о структуре внутреннего мира человека. Нахождение одной или нескольких первичных метафор позволит понять генезис философских представлений Данте.

- Рассмотрение эволюции эсхатологических представлений Данте,

выявление закономерности их трансформации. • Выявление и демонстрация образной структуры "путешествия в себя" в текстах Данте, которая позволит реконструировать некоторые фундаментальные особенности философии Данте в качестве итога нашего исследования.

Степень научной разработанности проблемы

Литература, посвящённая Данте, практически необозрима. Чтобы охарактеризовать динамику изучения и осмысления текстов Данте, ведущую к современному историко-философскому пониманию этих текстов, мы можем выделить несколько принципиальных этапов развития дантологии.

В качестве первого этапа выделяется ранняя биографическая комментаторская традиция, возникшая сразу же после смерти Данте. Один из первых комментариев к Комедии был составлен сыном Данте Якопо Алигьери. Вслед за ним и вплоть до начала XVI века появилось несколько десятков комментариев к Комедии, среди которых наибольшим авторитетом пользовался комментарий Франческо Ландино, выдержанный в неоплатоническом духе. Раннюю комментаторскую традицию характеризует, прежде всего, интерес к дантовским аллегориям - то есть Комедия понималась как иносказание. Именно тогда, в середине XV века возникает «историко-философское» восприятие текстов Данте, Комедию комментировали во флорентийских церквях виднейшие гуманисты.

Параллельно комментаторской традиции развивалась и биографическая традиция, начатая Джованни Виллани, создавшего небольшой биографический очерк о Данте в девятой книге своей "Новой хроники". Наиболее известна биография Данте, созданная Джованни Боккаччо, в которой он постарался максимально подробно отразить все известные ему

свидетельства о жизни флорентинца, но так как он писал свой труд около 1350 года, то есть через почти тридцать лет после смерти Данте, в биографию наряду с рядом достоверных сведений вошло множество легенд и исторических анекдотов, вокруг истинности, которых уже более столетия ведутся дебаты среди дантологов. В числа ранних жизнеописаний Данте можно вспомнить труд известного гуманиста Леонардо Бруни.

С начала XVII века, в связи с кардинальной сменой эстетических критериев, и вплоть до начала XIX века, тексты Данте не привлекают значительного внимания исследователей, рассматриваясь как образчик "средневекового варварства". Текст Вико, посвященный Данте, можно рассматривать как редкий пример обращения к творчеству Данте, однако сам подход неаполитанского мыслителя к творениям флорентинца, рассматривавшего Комедию в контексте

"героической", эпической поэзии средневековья, вполне характерен для эпохи барокко и просвещения.

Вторая половина XIX - начало XX века - эпоха возникновения дантологии как науки. Именно в этот период возникли фундаментальные исследования биографии Данте, появились критические издания его трудов. Среди наиболее заметных биографических трудов о флорентинца можно назвать работы Барби, Риччи, Цингарелли. Как завершение этого "биографического" этапа в исследовании Данте можно упомянуть появившийся в 1950 году сборник документов, касающихся жизни самого Данте и его семьи.¹

Параллельно изучению жизни флорентинца возник огромный интерес к комментированию в сугубо историко-литературоведческом стиле отдельных наиболее известных эпизодов Комедии. Таким образом, начальный этап развития дантологии как науки можно охарактеризовать повышенным интересом к реконструкции жизни Данте, и одновременно интересом к комментированию ряда ставших "хрестоматийными" эпизодов Комедии. В комментаторской традиции, по сравнению с эпохой Ренессанса, интерес сместился от толкования аллегорий к прояснению историко-литературного смысла наиболее "интересных" (с точки зрения исследователя) эпизодов Комедии.

Начиная с середины 60-х гг. XX века в дантологии начинают вновь усиливаться историко-философские тенденции анализа. Тексты Данте, ранее рассматривавшиеся как нечто самодостаточное, начинают вызывать интерес именно своей соразмерностью с историко-философским и социо-культурным контекстом. Резко возрастает интерес к проблеме "Данте и Восток", "Данте и христианская иконография". Наравне с этим продолжают выходить новые, более совершенные критические издания сочинений флорентинца.² Говоря о современных тенденциях развития дантологии, можно ожидать всё большего смещения в сторону историко-философских и культурологических исследований и отхода от узкого литературоведческого подхода к текстам Данте.

За последние сто пятьдесят лет о Данте были написаны сотни книг и многие тысячи статей. Между тем историки философии обращались к текстам флорентинца гораздо реже, чем того можно было ожидать. Западная дантология, в своём объёме практически необозримая, использовала в исторических исследованиях источниковедческий потенциал Комедии в несравненно большей степени, чем российская. С

' Barbi M. Dante: vita, opere e fortuna. Firenze, 1952; Ricci C. L'ultimo rifugio di Dante. Milano, 1921 ; Zingarelli N. La vita, i tempi e le opere di Dante. Milano, 1931; Piattoli R. Codici diplomatico dantesco. Firenze, 1950

2 Последнее критическое издание сочинений флорентийца см Dante Alighieri Tutte le opere. Introduzione di Italo Borzi. Commenti a cura di Giovanni Fallani, Nicola Maggi e Silvio Zennaro. Roma, 1997.

начала XX века в работах таких востоковедов, как М. Асин Паласиос, Ф. Габриэлли, Э. Черулли и К. Сакконе. Комедия начинает рассматриваться как источник первостепенной важности для реконструкции культурных контактов Италии с исламским миром на рубеже дученто и треченто? В этом направлении на данный момент работает группа исследователей из Италии, Великобритании и ряда других стран, организованная несколько лет назад Эдом Эмери на базе Оксфордского университета. Этой группой было проведено несколько международных конференций, последняя из которых проходила в Венеции в сентябре 2002 года.⁴ В 1990 г. вышло обстоятельное исследование Э. Морган, посвященное воздействию традиции средневековых видений на структуру Комедии.

С момента своего возникновения российская дантология, по сути своей, как зеркало, отражает основные тенденции европейской дантологии. В течении XIX и первой половины XX века не было предпринято сколько-нибудь серьёзных попыток рассмотрения текстов Данте как источника для реконструкции его философской картины мира - основное внимание было направлено на выявление круга текстов, оказавших определённое влияние на Данте (А. Веселовский), и реконструкции жизни флорентинца и окружавшего его культурного ландшафта (А. К. Дживелегов). Этому же пути придерживался и И.Н. Голенищев-Кутузов - основатель современной российской дантологической школы.⁵ По случаю семисотлетия со дня рождения Данте в СССР была создана "Дантовская комиссия", результатом деятельности которой было издания "Дантовского сборника". С 1968 года было выпущено 12 сборников, отражающих основные тенденции отечественной дантологии. На основании опубликованных там материалом можно сделать вывод, что если в

' Asin Palacios M. La escatologia musulmana en la Divina Comedia. Madrid, 1984 Габриэли Ф. Данте и ислам // Арабская средневековая культура и литература М., 1978 С. 203-208

Cerulli E. Il "Libro della Scala" e la questione delle fonti arabo-spagnole della "Divina Commedia". Citta del Vaticano, 1949.

Cerulli E. Nuove ricerche sul "Libro della Scala" e la conoscenza dell' Islamo in Occidente. Citta del Vaticano, 1972

Saccone C. Il "Libro della Scala" di Maometto. Milano, 1999 Saccone C. Viaggi e visioni di re, sufi, profeti. Milano, 1999

4 Материалы семинаров см. на сайте : <http://www.geocities.com/dantestudies>.

5 Дживелегов А.К. Данте. М., 1933

Голенищев-Кутузов Н.И. Данте. М., 1967; Голенищев-Кутузов Н.И. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971

момент "формального" возникновения мощной российской дантологической школы (1965) интерес сосредотачивался в основном на литературоведческом аспекте исследований творчества самого Данте, то на данный момент основное внимание дантологов сосредоточено на изучении влияния текстов Данте на русскую и, шире, славянские литературы.

Говоря о российской дантологии, необходимо назвать целый ряд работ, в которых тексты Данте рассматриваются с историко-философских позиций. М. Шахиди в своей статье "Абу Али ибн Сина -обитатель Лимба" вслед за Э.Е. Бертельсом обратился к широко обсуждаемой в западной литературе теме христианско-исламских культурных контактов в эпоху Данте, обратив внимание на весьма любопытную параллель между Комедией Данте и одним малоизвестным трактатом Ибн Синь. Среди достаточно ограниченного числа российских работ, посвящённых Данте, можно выделить несколько статей Игоря Бэлзы, где была предпринята попытка внести Данте в весьма нетривиальный историко-культурный контекст. Однако в целом объектом внимания российской дантологии по-прежнему остаётся литературоведческий аспект наследия Данте.

Как пример обзорного историко-философского исследования нельзя не упомянуть книгу А.Л. Доброхотова «Данте», вышедшую в 1990 г.⁷ Проблемы философской антропологии Данте освящаются в работе В.А. Карпушина.⁸ М.Л. Андреев в своей статье анализирует представления Данте о вечности, тем самым, обращаясь к историко-философской проблематике и отчасти затрагивая эсхатологическую проблематику. Проблематика вечности в философских представлениях Данте также рассматривается в статье В.Л.

Рабиновича? Особого внимания заслуживает работа И.Е. Малашенко, освещающая не вполне ясный пока вопрос о степени влияния аверроизма на

4 Шахиди М. Абу Али ибн Сина- обитатель Лимба. // "Дантовские чтения"

М., 1985. С. 151-174

Бертельс Е.Э. Одна из мелких поэм Сенаи в рукописи Азиатского Музея. // Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. М., 1965. С. 320-323.

7 Доброхотов А. Л. Данте. М., 1990

' Карпушин В.А. Некоторые аспекты философской концепции личности у Данте. //Дантовские чтения. М., 1968

' Андреев М.Л. Время и вечность в «Божественной Комедии». // Дантовские чтения. М., 1979

10 Рабинович В.Л. Божественная комедия и миф о философском камне. //Дантовские чтения. М., 1985

философские представления Данте.110 возможных связей Данте с ближневосточной традиции писали, как мы же указали выше, Э.Е. Бертельс и М. Шахиди.

Как это ни странно, сколько-нибудь значительных работ, посвященных анализу представлений Данте об эсхатологической истории в историко-философском контексте, не существует. Вычленяемая из его текстов модель "иного мира" рассматривается либо в контексте теологии, притом обычно - в весьма предвзятой, "прокатолической" манере, либо в контексте его политических воззрений. Весьма интересны попытки рассмотрения текстов Данте в свете иоакимитской эсхатологической истории, когда тексты флорентинца сопоставляется с сочинениями Иоахима Флорского" Но в целом приходится констатировать, что корпус текстов Данте не был ещё серьёзно рассмотрен в контексте жанра эсхатологической истории.

Тема "Комедия" Данте в контексте описания "путешествия в себя", то есть эсхатологической истории в узком смысле, на данный момент практически не разработана. Объясняется это, на наш взгляд, прежде всего тем, что само по себе изучение текстов эсхатологической истории "в узком смысле" находится пока лишь на зачаточной стадии,

хотя бесспорен и быстрый рост интереса к этой теме. Прежде всего, в сферу рассмотрения попадают тексты, историко-культурный контекст которых легко допускает их интерпретацию в рамках опытов рефлексии внутреннего мира человека. Прежде всего, это относится к текстам тибетского буддизма. Ваджраянистская традиция путешествия в себя изучена достаточно хорошо, переведены и изучены ряд фундаментальных текстов, существуют десятки монографий и статей, посвящённых исследованию этой темы. Тексты персидской традиции о "путешествии в себя" изучены в меньшей степени, можно указать лишь на переводы нескольких текстов, при практическом отсутствии научных работ, интерпретирующих саму традицию. Эта тема привлекала внимание иранистов лишь в контексте изучения суфизма, при этом по сию пору остаётся открытым вопрос, принадлежат ли эти тексты суфийской или же исмаилитской традиции. Существенно, что при интерпретации в рамках "науки о человеке" тибетских и персидских текстов, описывающих "путешествие в себя", западные исследователи в большинстве своём опираются прежде всего на «формальную» философскую традицию, в рамках которой эти тексты функционировали, но не на сами тексты. В тех случаях,

11 Малашенко И.Е. Мирозрение Данте и проблема философской эволюции Сигера Брабантского. //Дантовские чтения. М., 1982

12 Piromalli A. Gioacchino da Fiore e Dante. Ravenna, 1966; Tondelli L. Da Gioacchino a Dante. Torino, 1944

когда текст оказывается вне традиции, как то мы видим на примере "Комедии" Данте, его интерпретация оказывается делом исключительно сложным, требующим весьма тонких методологических орудий, но, прежде всего - определённых интерпретационных установок.

В качестве историко-философской интерпретационной установки мы имеем в виду концепцию протонаучного текста. Концепция эта возникла относительно недавно в контексте развития истории научно-философской мысли как отдельной дисциплины. Её основоположниками можно считать Мартина Хайдеггера и Хосе Ортегу-и-Гассета, предпринявших серьёзную попытку переосмысления текстов досократиков как исходной точки развития европейской научно-философской мысли. Таким образом, произошло включение в историко-научный дискус значительного количества текстов, являющимися философскими текстами, однако формально не соответствующих критериям научности, но, тем не менее, содержащих в себе "зародыш" той научной проблематики, той парадигмы, в рамках которой впоследствии развивалась европейская наука. Интерпретация протонаучных текстов досократиков позволил выделить и проанализировать фундаментальные прото-научные концепты, сыгравших исключительно важную роль в формировании научной онтологии и концептуального аппарата. Замечательным примером подобного концептуального анализа могут служить работы И.Д. Рожанского.

К середине 20 века историки науки обратили свой взгляд на прото-научные тексты пред-Модерна, вызвавшие особый интерес в контексте исследования генезиса классической европейской науки Нового времени. Нельзя не упомянуть классические работы Френсис Йейтс "Искусство памяти" и "Джорано Бруно и герметическая традиция", по сути, первой обратившей внимание на огромный пласт философских и одновременно прото-научных текстов, до этого вообще не рассматривавшихся в рамках историко-научного дискурса и воспринимавшихся как мистические писания или откровенное шарлатанство. В переосмыслении прото-научных текстов пред-Модерна значительный вклад внесли исследования В.Л. Рабиновича, рассматривавшего роль алхимических текстов в формировании химии как науки. В.П. Зубов и М.А. Гуковский в своих фундаментальных работах на основании весьма тонкого анализа текста вскрыли структуру прото-научных концептов Леонардо да Винчи, продемонстрировав механику возникновения опытного научного знания из образов протонаучного мышления. Начиная с 1960-х годов, появились несколько интересных работ, в которых "Великое искусство" Рамона Луллия, сугубо средневековое и схоластическое на первый взгляд, рассматривалось как едва ли не первая попытка создания теории

"искусственного интеллекта". Можно констатировать, что изучение прото-научных текстов пред-Модерна является одним из наиболее перспективных и быстроразвивающихся направлений историко-культурных исследований.

Подводя итог, мы можем констатировать, что помимо литературоведческого подхода к Комедии Данте, возможны совершенно иные подходы, в рамках которых интересующий нас текст оказывается вовлечённым в историко-философский дискурс. В своём подходе к интересующей нас проблеме, в формулировании целей и задач данной работы мы опираемся на новейшее, культурологическое направление, стремясь тем самым не только проинтерпретировать тексты Данте, но и вписать их в широкий историко-философский и социо-культурный контекст, позволяющий по-новому осознать культурное единство той эпохи, в которую жил Данте.

Источниковедческие основания исследования

Постановка исследовательской цели и приоритетных исследовательских задач предопределили наши выбор основных источников. Привлекаемые источники мы можем разделить на две группы.

К первой группе источников, которые мы будем использовать в данной работе, относятся корпус текстов Данте, и, прежде всего - "Комедия" и "Новая Жизнь". Так же нами будут привлекаться трактат "Монархия", содержащий ценный материал для реконструкции представлений Данте об идеальной структуре макрокосма.

Ко второй группе источников, дающих возможность охарактеризовать жанр средневековой "эсхатологической истории" как таковой, нами отнесён ряд персидских текстов: надпись Картира, Арда-Вираф намак", трактат Ибн Сины "Хай ибн Якзан", поэма Санаи "Путешествие рабов божьих к месту возврата", а так же ряд второстепенных текстов. Необходимо оговорить причины привлечения персидских текстов в качестве жанрового компаратива к текстам Данте. Прежде всего, в средневековой Европе жанр эсхатологической истории не был прагматически выделен, он являлся маргинальным, и потому его изучение на европейском материале представляет отдельную, весьма сложную научную задачу. В Иране же, наоборот, этот жанр был весьма популярен, имел свой достаточно ясный канон, и поэтому персидский материал весьма удобен для изучения специфики жанра эсхатологической истории. В сопоставлении философских исламских текстов с текстами Данте мы идём по стопам таких авторитетных учёных, как упомянутые нами ранее Асин Паласиос, Черулли и Сакконе. Указанное сопоставление тем более оправдано, возможностью говорить о единой "средиземноморской культуре" как в

период античности, так и применительно к средневековью. Иран и Средняя Азия, географически не принадлежащие к этому региону, тем не менее, принадлежали к нему в культурном смысле, что весьма остроумно и убедительно показывает С.П. Толстое в своей известной работе о культуре Хорезма.

Теоретические и методологические Основания работы

Наша цель - реконструировать представления Данте о структуре внутреннего мира человека. Для этого мы обращаемся к герменевтическому анализу как к одному из наиболее эффективных инструментов историко-философского исследования текста. При использовании соответствующего подхода, корпус текстов Данте позволяет реконструировать философскую картину мира флорентинца.

Ограниченные объёмом исследования, мы сконцентрировались именно на текстах Данте, оставив за рамками рассмотрения значительное количество других средневековых итальянских текстов, способных пролить свет на историко-культурный ландшафт дантовых представлений о мире и человеке.

Рассматривая совокупность текстов Данте как систему, где отдельные элементы проясняют и толкуют друг друга, мы должны извлечь из этого корпуса текстов объективные свидетельства об интересующих нас элементах Дантовой картины мира. Текст полифоничен по своей природе, внутри него возникает своеобразный диалог, переключки смыслов, и интерпретация текста - это, прежде всего толкование этого скрытого диалога. Однако процесс герменевтического анализа - то есть сам текст-анализ - технически весьма сложен. Прежде всего, мы должны проанализировать прагматическую структуру текста, проинтерпретировать его форму. Прагматика текста не может быть случайной, ибо именно прагматика делает текст понимаемым другими людьми, "состыковывает" его с сознанием

читателя. Прагматический анализ текста даёт ответ на вопрос, как текст должен был восприниматься современниками автора.

Следующий этап - анализ скрытых семантических структур текста, являющихся весьма существенными элементами философских взглядов автора. Любой текст, возникающий как единое целое, неизбежно обладает семантическим единством. Первое, что необходимо сделать - предположительно выделить принципы, семантически интегрирующие текст. По существу, это является ответом на вопрос, зачем данный текст был создан. Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо проделать ряд герменевтических операций. Вначале необходимо выделить структурообразующие, наиболее

семантически нагруженные фрагменты текста. Подчас это сделать весьма легко, ибо ими могут оказаться наиболее известные фрагменты рассматриваемого текста, интуитивно привлекавшие внимание многих поколений читателей и интерпретаторов.

Однако иногда мы видим противоположную картину - текст, в целом легко интерпретируемый, содержит "тёмные" фрагменты, чей "сюжетный" смысл утерян - иными словами, непонятно, почему автор включил их в текст. Неясность прагматической роли этих фрагментов, утративших для нас смысл, позволяют предположить, что они могли являться для автора стержневыми, смыслообразующими.

И в том, и в другом случае выбранные фрагменты должны быть подвергнуты тщательному филологическому и герменевтическому анализу. Филологический анализ позволяет привлечь структуры языка, на котором написан интерпретируемый текст, в качестве инструмента интерпретации, то есть позволяет учесть все лексические и грамматические многозначности данного текста. Таким образом, все словарные и грамматические смыслы оказываются учтёнными. После этого необходимо истолковать эти многозначности - отсеять пустые, случайные смыслы и углубить своё понимание тех смыслов, которые были вложены в текст либо волей автора, либо же "распределённым разумом" культуры.

После интерпретации выбранных нами для анализа фрагментов необходимо воссоздать ту смысловую структуру, которую они некогда образовывали, то есть понять, почему именно те, а не иные совокупности смыслов были выбраны автором для построения семантического скелета текста. Эта реконструкция тем более необходима, если проинтерпретированные фрагменты по-прежнему остаются "тёмными местами" - ясен их буквальный смысл, но не ясна роль в общей архитектуре текста. В таком случае "тёмные места", объединённые в некую структуру, будут прояснять друг друга - то, что неясно в отдельности, обретёт ясный смысл как целостность.

В результате произведённого по такой схеме анализа текста мы получаем совокупность концептов и образов, которые для автора текста имели принципиальное значение. Эти концепты и образы, в свою очередь, так же нуждаются в интерпретации. По существу, мы

получаем концептуализированное описание взглядов автора текста, но при этом нам априорно не известна граница применимости выделенных нами концептов. Для прояснения их смысла мы должны прибегнуть к помощи концепт-анализа. Существенно, что, интерпретируя выделенные концепты, мы по существу интерпретируем метафоры.

В последнее время методология и практика концепт-анализа активно развивается в связи с такими философскими направлениями, как лингвистическая философия, философская семантика, а также в

исследованиях по истории культуры и политологии. В силу необходимости анализировать концептуальные структуры дантовского текста нами были предприняты определённые усилия для разработки методов анализа концептов с помощью когнитивных схем. Для решения поставленных нами задач концепт-анализ служит важнейшим методологическим орудием, позволяющим объективизировать смысл интерпретируемого текста, "перевести" его на язык современного понятийного аппарата.

Наконец, истолковав концепты, и тем самым де-метафоризировав их, мы приступаем к последнему этапу - к воссозданию системы концептов, которые и являются скелетом искомых нами представлений Данте о структуре внутреннего мира человека. Одновременно, мы вычленяем и осевую систему концептов эсхатологической истории "в узком смысле", что позволяет в будущем обратиться к структурному анализу корпуса текстов эсхатологической истории в целом.

Таким образом, в качестве методологических орудий нами использован ряд исследовательских подходов: герменевтический анализ текста, анализ метафорических структур, концепт-анализ. Из арсенала методологических принципов историко-философского анализа нами использован принцип культурного диалога (возможность сопоставления текстов сходной прагматики, принадлежащих к различным культурам), а также принцип семантического единства корпуса текстов, принадлежащих одному автору. В итоге эти методологические орудия, использованные по описанной выше схеме анализа текста, позволяют нам обнаружить в тексте Данте и реконструировать философские представления флорентинца.

Научная новизна исследования

Широкое использование методов герменевтического анализа текста и концепанализа позволило нам прийти к ряду новых выводов о генезисе и развитии философских представлений Данте о структуре внутреннего мира человека.

Герменевтический анализ текста позволил нам обнаружить во всём корпусе дантовских текстов единую образно-метафорическую структуру, описывающую модель ментального мира человека в кризисной ситуации.

Несмотря на значительное внимание к теме "Данте и ислам", сопоставление с персидскими философскими источниками ранее практически не производилось. Нами же были обнаружены фундаментальные параллели дантовской модели кризисного сознания и представлений, содержащихся в широком круге средневековых персидских текстов, принадлежащих к жанру эсхатологической истории

Анализ текста "Новой жизни" позволил нам реконструировать генезис текста Комедии, а так же проследить формирование философских и историко-эсхатологических идей Данте, найдя истоки его концепции "путешествия в себя".

Научно-практическая значимость диссертационного исследования заключается, прежде всего, в том, что результаты исследования позволяют добавить ряд новых элементов в представления о путях формирования европейской средневековой философской мысли.

Кроме того, рассмотрение текстов эсхатологической истории "в узком смысле" - то есть описаний "путешествия в себя" - как философских текстов, позволяет, с одной стороны, типологизировать значительное количество текстов, чей жанр не был до этого ясно определён, с другой же стороны, позволяет интерпретировать их смысл в рамках философского дискурса, тем самым, вводя их в круг изучения эволюции философской мысли. Такой подход может не только обогатить наши представления об эволюции философских идей, но и, возможно, выделить ряд семантически богатых образно-метафорических структур, способных привнести новые идеи в современную когнитивную науку. Таким образом, предлагаемый нами подход к текстам эсхатологической истории может способствовать углублению наших представлений об истории средневековой философии, в частности об идеях средневековой "науки о человеке", структурированию корпуса текстов, ранее трудно поддававшихся семантической классификации, а так же включению значительного историко-философского материала в современный интеллектуальный дискус.

В связи со сказанным выше, результаты диссертационного исследования могут быть использованы при чтении лекций и проведении семинарских занятий по курсам истории средневековой философии, истории науки, теории герменевтики. Содержание диссертационной работы может служить основой для разработки таких специальных курсов, как "Герменевтические методы историко-философского анализа", "История философской мысли в средневековой Италии", "Данте и ислам".

Структура диссертационного исследования

Работа состоит из введения, 6 глав и заключения. К работе приложен список литературы из более 250 названий на итальянском, персидском, русском, английском, испанском и французском языках.

Апробация работы

Основные выводы и положения диссертационной работы были доложены на ряде семинаров Института Истории Естествознания и Техники в 2002-2003 гг., и годичной конференции ИИЕТ в апреле 2002 г., а так же были представлены на Учёном Совете Института Истории Естествознания и Техники, рекомендовавшим к печати монографическое исследование по теме диссертации «Театр судьбы Данте Алигьери: введение в практическую анатомию гениальности», которое было опубликовано в 2004 г. в издательстве «Летний Сад». Отдельные результаты исследования были представлены в виде доклада на международной конференции *Arabic and Judaic influences in and around Dante Alighieri* в Венеции в сентябре 2002 г. Ряд выводов диссертационной работы был доложен на III Всероссийском конгрессе политологов в апреле 2003 г. в г. Москве. Методические разработки в области концепт-анализа, в дальнейшем применённые нами в диссертационном исследовании, были представлены на конференции *Rhetoric and Conceptual Change* в Тампере, Финляндия, в июне 2001 г.

Основное содержание диссертации

В первой главе - "Комедия" Данте как описания "путешествия в себя": первичные метафоры, - открывающей рассмотрение ""Комедии" Данте и семантически связанного с ней корпуса текстов в рамках парадигмы "путешествия в себя", обосновывается применимость этой парадигмы для интерпретации корпуса текстов флорентинца текстов. Для этого анализируется образная структуру первой песни Комедии с целью вычленения того "концептуального аппарата", который позволит типологизировать текст, рассматривая в рамках той или иной прагматики.

Через выделяемые аллегории рассматривается мыслительный опыт Данте. Точнее сказать, не весь опыт, но та его часть, которая создала импульс к дальнейшему самоуглублению, к рефлексии глубинных логических структур машины универсума, отражённых в его воображении.

Если попробовать сжато, формульно изложить "сюжет" извлекаемого из первой песни Комедии мыслительного опыта, то он будет выглядеть следующим образом: человек оказывается в логически безвыходной ситуации, на краю гибели; пребывая в таком состоянии, он материализует в своём сознании, вспоминает некий образ, изменяющий его логику мышления и тем извлекающий человека из безвыходной ситуации, сообщая его мысли новое направление, иную дорогу. Иными словами, Данте описывает механику изменения онтологии сознания.

Если перед нами - действительно описание механики рефлексии в

ситуации когнитивного кризиса, то встаёт вопрос об универсальности такого описания. В данной главе рассматривается вопрос, действительно ли универсальны те метафоры и образы, из которых Данте конструирует своё изложение опыта, или же они являются порождениями его индивидуального мышления, символами его личного опыта. Текст Данте не уникален. Можно указать на целый ряд текстов о "путешествии в себя", содержащих описание мыслительного опыта такого класса. Люди, принадлежавшие к различным культурам, жившие в разное время оказывались в ситуациях, когда разуму для выживания было необходимо изменить свои логические основания, свой познавательный механизм, и эти изменённые когнитивные состояния были метафорическим образом описаны ради сохранения операционального опыта мышления.

На основании этого общего структурного анализа первой песни Комедии, может быть высказано предположение о том, что Данте описывает в Комедии не мистические переживания, но процесс позитивного познания возможностей человеческого сознания, то есть "путешествие в себя". Если это так, то, возможно, найти в типологических сходных текстах описание состояний, подобных тем, что нашли отражения в рассмотренном в этой главе фрагменте текста Данте.

Во второй главе - Эсхатологическая история: жанровые особенности и персидские параллели - анализируется ряд персидских текстов, проясняющий структурные особенности жанра эсхатологической истории и его глубинные связи с философскими традициями средневековья.

Чтобы понять эсхатологическую историю Данте с историко-философской точки зрения, необходимо увидеть тот жанровый контекст, в который может быть вписана Комедия. Для этого можно обратиться к персидской традиции, в пределах которой эсхатологическая история получила своё наибольшее развитие. Обращаясь к различным культурам, мы оказываемся способными увидеть тот "жизненный путь", который проходит обретшая форму особого жанра эсхатологическая история. В персидской культуре могут быть обнаружены тексты, содержащие в себе всю метафорическую систему описания эсхатологической истории.

В персидской культуре изложение эсхатологической истории в виде фиксированной системы образов было оформлено традицией в некое подобие литературно-философского жанра, что прагматически отличает эти тексты от Божественной Комедии - персидские тексты не являются изолированным, они полностью вписаны в традицию, чего нельзя сказать о текстах Данте.

В рассматриваемых в этой главе текстах присутствует единый

сюжет, как на внешнем, так и на внутреннем уровне. Экзотерический сюжет заключался в странствии человека в некую иную область, где он должен был обрести Знание (знание не о чём-либо конкретном, но знание "метафилософской"- о природе мира и человека, разума и Бога, по существу конструирующее специфическую онтологию). В пути, теряя верную дорогу или разочаровываясь в своих силах, странник встречается Старца, указывающего верный путь и разъясняющего встречавшиеся на пути чудеса. В процессе понимания этих чудес человек обретает Знание. Конечной точкой путешествия является некая недоступная обычному человеку область, где путешественник покидает Старца, чтобы найти людей света, способных открыть ему высшие истины. Таков внешний, "сказочный" сюжет. Но за ним скрывается эзотерический смысл странствия человеческого разума в поисках смысла человеческого существования, его отчаяния, встречи с разумом-наставником, спасающим человека от опасностей мира, узрения образов эсхатологического мира, и, наконец - приобщения к царству интеллекта, осознания его совершенной, божественной структуры.

В первом параграфе главы рассматривается ряд текстов зороастровской традиции, а именно:

1. фрагмент XX наска Авесты, содержащий описание судьбы человека после смерти.
2. Надпись Картира, верховного жреца Ирана, содержащая описание его путешествия в иной мир.
3. "Книга праведного Вирафа", являющаяся наиболее подробным изложением странствия в иной мир, и служащая связующим звеном между зороастровской и мусульманской традициями эсхатологической истории в Иране.

Во втором параграфе главы рассматриваются тексты, принадлежащие к жанру эсхатологической истории, созданные в исламскую эпоху. Жанр эсхатологической истории стал активно развиваться после прихода ислама в Иран. Ислам, казалось бы, изменивший полностью культурный ландшафт, породил очень странный синтез метафорического и философского знания, извлечённого из различных культур и скрытого от взглядов непосвящённых за завесой жёстких религиозных догматов. Поэтому, обращаясь к персидским текстам, имеющим структурные параллели с Дантовой Комедией, невозможно обойти молчанием вопрос о возможности исламского философского влияния на генезис Комедии. Обсуждение значения этого влияния и его возможных путей предшествует в этой главе анализу структуры ряда исламских текстов.

Во втором параграфе рассмотрены также следующие тексты: 1. "Трактат о Хайе, сыне Якзана", созданный Ибн Синой и содержащий в себе одно из первых в исламской традиции описание «путешествия в себя». Этот текст может быть рассмотрен как эталонный,

применительно к жанру эсхатологической истории в персидской традиции

2. «Огненный разум» ас-Сухраварди, «Послание о царстве прощения» аль-Маарри, «Восемь райских садов» Амира Хосрова Дехлеви. Эти три текста рассматриваются как источники, дополняющие и проясняющие модель «путешествия в себя», находимую в тексте Ибн Сины.

3. Философская поэма Санаи "Путешествие рабов божьих к месту возврата", в которой исключительно подробно описывается «путешествие в себя», и чей текст неоднократно сопоставлялся с Комедией Данте. Перевод этого текста с персидского языка осуществлён автором диссертации в связи с работой над текстами Данте, и является первым полным переводом этой философской поэмы на европейские языки.

В заключение второй главы рассматривается основополагающее понятие мусульманской эсхатологической истории - ма'ад, "место возврата" В самом понятии ма'ад, охватывающем всю область эсхатологии, изначально, этимологически заложена идея путешествия, возвращающего человека к своему истоку, исток же этот покоится в ином мире. В исламской теологии существовало множество различных пониманий ма'ада- "места возврата": оно могло пониматься как единый исток человечества, или как исток индивидуальный, место человека в ином мире, его макам мог быть изначально предопределён или же человек своими действиями мог изменять свою посмертную судьбу. В трактате Азиз ад-Дина Насафи "Сливки истины", толкующем различные понимания ма'ада, находится исключительно интересное свидетельство о существовании шиитской секты, члены которой считали своим духовным долгом ещё при жизни совершить духовное путешествие в область ма'ада, дабы увидеть ту стоянку-макам, на который они возвратятся после смерти. Это свидетельство позволяет признать рассматриваемые тексты свидетельствами реального существования практики эсхатологического путешествия, воссоздания в своём сознании эсхатологических картин, и обретения до того неведомого опыта существования в «ином мире».

В третьей главе - Vita Nuova: генезис эсхатологии Данте рассматривается генезис структуры эсхатологической истории Данте с историко-философских позиций.

При рассмотрении персидских текстов был намечен жанровый ландшафт, в который должны быть помещены тексты Данте. Можно утверждать, что существовала мощная традиция изложения эсхатологической истории "в узком смысле" - то есть "путешествия в себя" - как описания структуры внутреннего мира человека, что подтверждает высказанную в первой главе гипотезу, базирующуюся на анализе первой терцины.

В первом параграфе обосновывается значение текста Vita Nuova для реконструкции генезиса эсхатологии Данте, и ставится вопрос о смысле заглавия. Из текстов самого Данте

ясно, что *Vita Nuova* - это прелюдия к Комедии. Прежде чем Данте преодолел первый этап своего эсхатологического странствия, нечто должно было направить его шаг в сторону иного, небывалого мира, и цель этого этапа исследования - найти в Дантовых текстах следы этой первопричины, "первоопыта" эсхатологического путешествия.

Во втором параграфе рассматривается внутренняя структура *Vita Nuova*. Выделяется два сюжетных слоя.

События реальной жизни представлены следующими эпизодами: 1) первая встреча с Беатриче 2) встреча с Беатриче девять лет спустя 3) встреча с ней в церкви и появление "дамы защиты" 4) Беатриче отказывает Данте в приветствии 5) сцена на свадьбе, когда Данте теряет сознание при виде Беатриче 6) смерть отца Беатриче 7) явление Беатриче в сопровождении Джованни-Примаверы 8) смерть Беатриче. Едва ли эти восемь фрагментов способны создать сюжетный и, тем более, семантический стержень текста. Это скорее необходимая опорная конструкция, неизбежный сюжетный минимум.

Второй сюжетный пласт, визионерский и мистический, представляет большой интерес, прежде всего с историко-философских позиций. Видения *Vita Nuova* нельзя назвать разрозненными фрагментами - они образуют собой ясную структуру, едва ли не более стройную, чем линия формального сюжета. Здесь могут быть выделены следующие эпизоды 1) видение Амора, держащего в своих объятиях Беатриче 2) разговор с Амором после того, как Беатриче отказала Данте в приветствии 3) сцена на свадебном празднестве 4) эсхатологическое видение во время болезни 5) посмертное явление Беатриче и её победа над дамой-утешительницей 6) заключительное видение о вознесении на небеса, которое лишь подразумевается.

В третьем параграфе содержится анализ взаимосвязи элементов «визионерской» сюжетной линии текста, а также подробно разбираются фрагменты, имеющие непосредственное отношение к генезису самой идеи Комедии. Особое внимание уделяется тому фрагменту XIV главы, где Данте впервые говорит о своём опыте путешествия к «пределам жизни», а так же текст XXIII главы *Vita Nuova*, скрывающий в себе, по сути, "черновик" Божественной Комедии, что демонстрируется через подробный анализ "нефункциональной" образной структуры, пронизывающей текст.

В четвёртом параграфе выделяются и анализируются ключевые образы эсхатологии *Vita Nuova*, а также отслеживается их фундаментальная связь с ключевыми образами Комедии. Рассмотрев текст *Vita Nuova*, можно дать свой ответ на поставленный в начале главы вопрос об истинном смысле слов *vita nuova*. "Новая

жизнь" - это, конечно же, не "юная жизнь, молодость", но "жизнь небывалая, удивительная", что вполне соответствует словарному значению *nuova*. Однако в чём заключена "небывалость" начавшейся для Данте иной, другой жизни? Предлагаемый нами ответ на

этот вопрос состоит в том, что для флорентинца началась жизнь, наполненная видениями и смертью. Данте эмоционально пережил опыт смерти, блуждая (пусть и в видении) у границ бытия и небытия, то, вернувшись в мир, он принёс с собой опыт смерти. Помимо опыта он обрёл знание о заступнице, способной спасти его, лишь ожив для иного мира и, следовательно, умерев для этого.

Данте лишь рефлексировал испытанное им, превратил в систему, и создал свою «систему» перехода грани, разделяющей миры. Он озвучил странную истину средневекового мира - существуют две логики: логика живых и логика мёртвых. Мёртвые так же обладают своей естественной логикой, и она, проникая в сознание живого человека, меняет его существование. Много в ином мире он начинает рассматривать с позиции логики живых и многое в нашем мире - с позиции логики мёртвых. Тогда, осознав эту данность, можно интерпретировать Дантову "новую жизнь". «Новая жизнь»- это "жизнь в смерти".

В четвёртой главе - Трактаты Данте: опыт социологии креативности рассматривается круг вопросов, связанных с механизмами социализации той формы философского дискурса, которую избрал Данте.

Для этого необходимо обратиться к фундаментальному вопросу дантологии: в чём причина создания Дантовых текстов? Намеченный ответ: описание структуры внутреннего мира человека - в свою очередь порождает один очень существенный вопрос - как позиционировал себя Данте в качестве создателя текстов, поднимающие столь фундаментальные проблемы? Не принадлежа к церковно-университетской среде, Данте должен был "изобрести" себе некую социальную нишу. Авторефлексия Данте в этом аспекте представляется исключительно ценным источником, позволяющим понять, какова была социальная позиция человека, описывающего "путешествие в себя", или, по крайней мере, понять, как эта позиция мыслилась им самим.

С этой целью были рассмотрены три сочинения флорентинца, а именно *Convivio*, *De vulgari eloquentia* и *De Monarchia*. Основной целью такого рассмотрения является не столько семантический анализ этих текстов, сколько рефлексия причины их возникновения, заставившая их обрести ту форму, в которой мы их видим ныне.

Существенно, что эти три сочинения, созданные флорентинцем в изгнании, обладают, в отличие от его первого и последнего текстов, достаточно канонической для средневековья

прагматикой.

В первом параграфе рассматривается текст *Convivio* с целью извлечения из него принципиальных гносеологических постулатов Данте. Вкратце их можно охарактеризовать следующим образом.

Разум, познавая объект, даёт ему бытие. Данте мог помыслить *monde senza gente* мир без людей, но для него был немислим образ мира без объектов. Мир, не познанный разумом это ад чистых потенций, где всё сущее казнится за грех человеческой неспособности познавать. Человек не может быть в пустоте, в противном случае он в смерти, следовательно, разум должен создавать мир: *vivere ne Uomo e ragione usare; dunque, se 'l vivere e l'essere de l'uomo, e cosi da quello uso partiré e partiré da essere*; "жизнь для человека есть использование разума; итак, если жизнь означает бытие человека, то отказ от этого использования [мышления] есть отказ от бытия" (IV, VII). Акт мышления поддерживает бытие человека, и стоит лишь процессу рефлексии прерваться, как объекты, переставшие быть понимаемыми, исчезнут и опустошат мир вокруг человека, лишив его бытия. Вот почему даже адские духи, находящиеся в мире мёртвых, но, тем не менее, существующие, обладающие бытием, не лишены разума в противном случае их бы не существовало, иной мир был бы пуст. Исходя из текста *Convivio*, мы приходим к предположению, вполне согласующемуся с аверроистским учением, что Данте говорит о коллективном акте мышления, а фактически о едином человеческом разуме, который можно было бы назвать распределённым разумом. Смысл трактата, обращенный ко всем без исключения читателям в объяснении того простого и в то же время невероятно сложного для понимания факта, что человеческий разум распределён среди людей, и люди в этом разуме едины. *Convivio* сочинение этическое, но этика эта касается весьма специфической области, а именно логики, законов сосуществования людей в ситуации распределённого человеческого разума.

Во втором параграфе анализируются фрагменты лингвистического трактата флорентинца *De vulgari eloquentia*, существенные для пояснения идеи человеческого единства (язык как инструмент объединения индивидуумов), а так же для уяснения специфики дантовского понимания креативности.

В третьем параграфе рассматривается трактат *De Monarchia*, в котором в наиболее законченной и ясной форме были выражены идеи, скрытые в текстах двух предыдущих трактатов. Всё то, что в предыдущих трактатах говорилось о распределённом интеллекте человечества, могло показаться не совсем ясным, однако в *De Monarchia* эта мысль выражена исключительно прозрачно.

De Monarchia посвящена проблеме социальной организации человечества в тех пределах, каким его мог мыслить флорентинец. Из

этого, однако, не следует, что сочинение это должно быть отнесено к классу трактатов политических, а не философских. Текст этот имеет два чётко очерченных уровня: первый из них философский, второй можно было бы назвать «публицистическим». Значительный историко-философский интерес представляет первый из этих уровней.

Реконструированная нами логика рассуждений Данте в этом трактате вкратце такова. Для того чтобы обосновать необходимость единой монархии, флорентинец задаётся вопросом в чём цель человеческой гражданственности *humane civilitatis*? Для ответа на этот вопрос он утверждает необходимость осознания смысла существования человека, то есть рефлексии того действия, ради совершения которого человечество обрело бытие. Этим действием оказывается реализация интеллектуальной потенции. Однако она не может реализоваться вся в одном человеке необходимо множество реализующих её субъектов. Но не все люди обладают этой возможностью, и те, кто актуализируют её в себе, тем самым актуализируют эту потенцию и для всех людей, всего человечества. Говоря об этом коллективном интеллекте, Данте прямо ссылается на Аверроэса, и позиция флорентинца, без того обозначенная достаточно ясно, становится полностью прозрачной, ибо её источник, её исходная точка сделалась очевидной. Далее, развивая свою аргументацию, флорентинец утверждает, что для наивысшей эффективности реализации интеллектуального потенциала человечеству необходим мир *раха*. Мир это такой способ структурирования социума, при котором индивидууму естественнее всего актуализировать свой интеллектуальный потенциал. Мир, или оптимальный для креативности социальный порядок, может поддерживаться лишь таким социальным механизмом, который своей структурой воспроизводит структуру макрокосма, "истекающего", актуализирующегося из единой порождающей потенции.

В заключение главы рассматривается связь дантовской модели «распределённого разума» со средневековой мусульманской философией, что позволяет создать обширный историко-философский контекст, куда могут быть помещены рассмотренные тексты флорентинца.

В пятой главе - Дантовская модель "путешествия в себя": четыре сцены *Inferno* с историко-философских позиций рассматриваются структурные особенности Комедии, проясняющие специфику дантовской модели «путешествия в себя».

Следуя избранной методологии, из текста Комедии вычленяются ключевые для прояснения интересующей проблемы фрагменты с тем, чтобы подвергнуть их всестороннему рассмотрению. Фрагменты эти вскрывают специфику дантовской модели "путешествия в себя" и одновременно они играют весьма значимую роль в архитектурном

плане Комедии в целом. Таковыми являются четыре эпизода *Inferno*: сцена с Франческой, эпизод с Фаринатой и Кавальканти, эпизод с Уплисом, и сцена с Уголино. Литература, посвященная этим эпизодам Комедии, практически необозрима. При этом многое в этих эпизодах остаётся не прояснённым и спорным, и, прежде всего, неясно, почему именно эти эпизоды сам Данте особо выделил, вычленив голоса их героев из единого хора теней. В работе предпринимается попытка разяснить их смысл и прояснить эсхатологические идеи Данте, рассмотренные в текстах *Новой Жизни* и *Монархии*, и рассматриваются эти четыре эпизода Комедии.

В первых четырёх параграфах главы детально анализируются вышеперечисленные эпизоды Комедии с целью выявления их роли в дантовской модели «путешествия в себя», и прояснения некоторых особенностей построения текстов, принадлежащих к жанру эсхатологической истории.

В пятом параграфе подводится итог анализу выбранных эпизодов Комедии.

Рассмотрев эти четыре эпизода, мы приходим к выводу, что, по сути, герои этих эпизодов - гипотетические двойники Данте, в чьей судьбе он узнаёт свою возможную судьбу. Действующие лица эсхатологической истории - это проекции самого "путешественника". Данте, повторяющий своим путешествием историю человечества, в свою очередь все факты истории человечества рассматривает как свои проекции, как способ понять свою историческую судьбу. Обойдя адские поля, флорентинец обретает знание о тех возможных мирах, в которых он мог бы существовать, и которые привели бы его в inferнальные области уже не как любознательного путешественника, но как вынужденного постояльца. Четыре судьбы, чьими символами стали четыре наиболее известных фрагмента Ада, предстают перед Данте как знаки, отмечающие поворотные точки его жизни, когда от выбранного в данный момент пути зависело конечное спасение. По своей сути, это - поворотные точки его философской рефлексии.

Первый из этих "перекрёстков"- встреча с Беатриче и мистическая любовь, сделавшая соседскую девочку небесной заступницей, обладающей властью провести "своего верного" живым через загробные миры. В образе Франчески перед флорентинцем предстала иная дорога его жизни, по которой он шёл бы, останься Беатриче для него земной женщиной. Момент выбора небесной любви и отказ от любви человеческой определил дальнейшую его судьбу, ознаменовав первый шаг Данте на пути к спасению.

Следующим перекрёстком судьбы был приорат Данте и последовавшая за тем политическая катастрофа. Перед флорентинцем стал выбор, кем остаться - поэтом или политиком, спасти свою душу поэтической теологией или потерять её ради

призрачной политической победы, что в любой момент может обернуться поражением. Данте выбрал поэзию, и тем спас свою душу.

Следующей поворотной точкой судьбы флорентинца был момент, когда он решился обратиться к духовному странствию, заручившись небесной помощью. Отважившись на труд, сравнимый лишь с трудом ветхозаветных пророков и святого Иоанна, Данте вступил на опасный путь, ибо ему необходимо было увериться в высшей помощи и небесной благосклонности, с которой райские души будут взирать на его труды. Переступив через страх, он поверил в своё избранничество, и приступил к созданию Комедии. Увиденный в адском пламени Улисс не мог не напомнить страннику тот священный трепет, что испытал он, отважившись миновать адские врата и войти в "мир без людей".

Последним перекрёстком, лишь предугаданным Данте, был перекрёсток его смерти. Флорентинец не мог знать свою судьбу, но, следуя её логике, предположил, что благой выбор, сделанный им вначале, обеспечит и благой конец. Став вне политики, флорентинец тем самым, быть может, спас свою жизнь и жизнь близких и избежал жестокой смерти, на которую его могли обречь враги. Слушая рассказ Уголино, Данте думал о той странной логике, что управляла его жизнью, и вместо бесславной или трагической смерти дала ему возможность увидеть загробные миры, заповедные для живых.

Таким образом, можно сказать: в центре философско-эсхатологической модели Данте, в сердцевине "путешествия в себя" стоит сам Данте, он центр созданного его воображением эсхатологического мира, он - цель очерченной им эсхатологической истории.

Шестая глава - "Путешествие в себя" и теория "поисковой активности" содержит в себе попытку интерпретации сюжета «путешествия в себя» на языке современной науки, тем самым, совмещая историко-философскую проблематику и проблематику когнитивных исследований.

Обращаясь к структуре дантовского "путешествия в себя", можно говорить об осуществлённом Данте описании образной "операционной системы", способной в критический момент, когда природный разум слабеет, принять на себя управление сознанием, превратившись в "синтетический", образный разум. В момент этой трансформации происходит актуализация креативности. Флорентинец описал процесс актуализации креативности с помощью весьма сложной системы образов, однако, образы эти в известном смысле "терминологичны". В принципе такая «операционная система» может быть описана в терминах когнитивной науки. Такая интерпретация была осуществлена в диссертационной работе с опорой на теорию "поисковой активности" В. Ротенберга. Следуя ей, была предложена трансформация образного языка Данте в язык

когнитивного подхода.

Кратко дантовское «путешествие в себя» может быть проинтерпретировано в терминах теории В. Ротенберга следующим образом. Человек оказывается в ситуации когнитивного кризиса, для разрешения которого ему не хватает "опыта". В этом случае, поисковая активность оказывается бесполезной, и необходимо использование специфической «операционной системы» образов, облегчающей механизм внутренней рефлексии. В силу невозможности решения проблемы с помощью имеющегося опыта, поисковая активность приводит к усиленному поиску возможностей обретения нового необходимого опыта. Вследствие этого человек оказывается в состоянии, которое можно условно сравнить с "быстрым сном". Находясь в этом состоянии, он видит "мыслительные галлюцинации", открывающие в нём резервные силы. Этих новооткрытых резервных сил оказывается достаточно, чтобы найти реальное решение проблемы. Необходимая для этого трансформация происходит в момент специфической формы совместной активации двух

полушарий "образного" и "логического" между ними образуется подобие "экрана", на котором и возникают те образы, созерцание которых сопровождается обретением резервных сил. Логические структуры превращаются в образы, избавляясь тем самым от присущего им формализма и, превращённые в образы, начинают самосогласовываться по законам, недоступным структурно ориентированному левополушарному мышлению. Логическое движение обретает зримую, «живописную» форму. Человек становится свидетелем рождения нового вида мыслительных объектов.

Теперь обратимся к Данте. Первые песни «Комедии» удивительное свидетельства только что описанных процессов. Некто попадает в безвыходную ситуацию, оказываясь "на середине нашей Жизни" то есть в смерти заключённый в узкое пространство между почти утраченной жизнью земной, и ещё не обрётённой жизнью небесной. Проще говоря, человек оказывается в преддверии иного мира, уже отвергнутый человеческим миром, но ещё не принятый миром высшим. Не в силах найти выхода, найти "истинный путь", он демонстрирует отказ от поиска, готовый возвратиться во тьму. В этот момент перед отчаявшимся человеком возникает образ, ему не только не безызвестный, но и им горячо любимый образ Вергилия. Тень Мантуанца в обратном порядке вызывает в воображении странника образы Беатриче, Лючии и Богоматери, открывая тем самым потерявшему путь совершенно новую перспективу оказывается, он, сам ещё об этом не зная, уже спасён святым заступничеством, и ему необходимо лишь выбрать "иной путь" то есть иное направление своей поисковой активности. После некоторых колебаний человек оказывается в состоянии найти выход из безысходной ситуации и,

будучи в начале одиноким и погибающим, он в конце пути сравнивается в своём небесном полёте с апостолами и святыми, становясь одним из "избранных Богом и возносимых пламенной доблестью к небесам", как сказал Данте вслед за Вергилием о вдохновенных поэтах.

Данте, стремившийся совершить путешествие в себя, не только не преуспел, но и в какой-то момент, мучимый изгнанием, устранился утратить жизнь. Он вообразил себе своё состояние умирания, как некогда, в ранней молодости, вообразил в знаменитой канцоне *Donna pietosa* смерть Беатриче. Его рефлексия смогла смоделировать имажинативную ситуацию, в которой он в своём сне (о том, что всё увиденное сон или некая его разновидность, текст повествует открыто и ясно: *tant'era pien di sonno a quel punto...*) узрел спасительные для него образы Вергилия и Беатриче, и не только увидел их и обрёл уверенность он в действительности совершил в своём сознании то путешествие, о котором так долго мечтал, и как следствие стал "избранным Богом" поэтом. Спасая жизнь, он вынуждено обрёл креативность. Он в действительности нашёл выход из ситуации ментального кризиса.

Мысль о вынужденной креативности исключительно важна для понимания смысла описания "путешествия в себя". Креативность нисходит к человеку в бесконечно трудную минуту и даёт ему жизнь таков смысл "внутреннего путешествия". Ей нельзя овладеть

просто так, по своей прихоти, если на то нет истинно "эволюционных" причин. Нам представляется, что смысл Комедии и апология Данте - именно в этих словах.

В Заключении кратко формулируется реконструированная из текстов Данте модель преодоления ментального кризиса через "путешествие в себя" - то есть через рефлексию структуры внутреннего мира и обретение креативности. Это и есть, с нашей точки зрения, реальный вклад Данте в философию сознания.

Выделяются следующие три уровня описания «путешествия в себя»: Первый уровень - открытие в себе способности оперировать образами и сознательное развитие этой способности. Второй уровень - структурирование внутренних образов и создание из них "операционной системы", способной в критической ситуации автономно управлять сознанием и вторгаться в его «программы». Третий уровень - актуализация синтетического имажинативного разума, то есть самосогласованной системы внутренних образов, и как следствие "изменение программы", выживание, ментальное и физическое. Конечным результатом преодоления этих трёх уровней является обретение исключительно мощных креативных возможностей.

В диссертационном исследовании рассмотрена специфика

дантовских представлений о "путешествии в себя", которые по своей природе должны быть определены как философские. Модель обретения креативных способностей, обнаруженная в текстах Данте, имеет параллели в современных исследованиях структуры человеческого сознания. Дальнейшее исследование текстов Данте в ряду других философских текстов о "путешествии в себя" может не только расширить наше представление о развитии средневековой философской мысли, но и привнести нечто новое в современную когнитивную науку, включив надолго забытый мыслительный опыт в орбиту современного интеллектуального дискурса.

Список работ по теме диссертации:

1. Сергеев К.В. Театр судьбы Данте Алигьери: введение в практическую анатомию гениальности. Москва: Летний Сад, 2004. 243 с.
2. Санаи Газневи. Путешествие рабов божьих к месту возврата. Перевод с персидского, вступительная статья и комментарий К.В. Сергеева. Москва: Фазис, 2002. 112 с.
3. Сергеев К.В. Распределённый разум и единичная рефлексия: от аверроизма к современным когнитивным исследованиям. // ИИЕТ. Годичная научная конференция., 2002. Стр. 362-365

4. Сергеев К.В. Когнитивные модели и формирование религиозных институтов: античный протогностицизм. //Полис, 2002, №5. Стр. 86-95.

5. Сергеев К.В. Периферийное знание в дискурсе креативности: социальные сети интересного. // Полис, 2003 N31. Стр. 50-62.

6. Сергеев К.В. Интерпретационный кризис и "ментальные институты": опыт изучения институционализации индивидуальной рефлексии. // Когнитивные модели и институциональные трансформации. М., 2003 С. 139-157.

J

»-3 694

РНБ Русский фонд

2006-4 13836

Оглавление научной работы

автор диссертации — кандидата философских наук Сергеев, Кирилл Викторович

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1 "Комедия" Данте как описания "путешствия в себя": первичные метафоры

ГЛАВА 2 Эсхатологическая история: жанровые особенности и персидские параллели

2. 1. Эсхатологическая история как особый тип исторического текста: персидские параллели.

2.2. Эсхатологическая история и зороастрийская традиция.

2.3. Эсхатологическая история и исламская традиция.

ГЛАВА 3 Vita Nuova: генезис эсхатологии Данте

3.1. Значение Vita Nuova для понимания философской модели Данте

3.2. Структура Vita Nuova

3.3. Эсхатология Vita Nuova.

3.4. Ключевые эсхатологические образы Vita Nuova.

ГЛАВА 4 Трактаты Данте: опыт социологии креативности.

ГЛАВА 5 Дантовская модель "путешествия в себя": четыре сцены Inferno

5.1. Canto V Сцена с Франческой да Римини

5.2. Canto X Сцена с Фаринатой и Кавальканти

5.3. Canto XXVI Сцена с Улиссом

5.4. Canto XXXIII Сцена с Уголино

5.5. Судьба Данте как центральная точка эсхатологической истории.

ГЛАВА 6 "Путешествие в себя" и теория "поисковой активности". 134 ЗАКЛЮЧЕНИЕ 146
БИБЛИОГРАФИЯ

Введение диссертации

2005 год, автореферат по философии, Сергеев, Кирилл Викторович

Актуальность темы исследования и постановка проблемы.

Данте, бесспорно, является одной из знаковых фигур европейской культуры, и та роль, которую он сыграл в формировании ренессансного типа мышления, а так же, в известном смысле, и мышления нового времени, объясняет тот огромный интерес, который проявлялся к его личности и его текстам на протяжении шести с половиной столетий. Если изначально этот интерес фокусировался на биографии Данте и толковании его главного творения - Комедии, которую Боккаччо снабдил эпитетом "Божественная", то с рождением дантологии как особого подраздела медиевистики, интерес исследователей стал постепенно смещаться в сторону изучения той картины мира, которая возникает при рассмотрении совокупности текстов Данте, то есть к философским взглядам Данте.

Следует, однако, сразу подчеркнуть специфику современных дантологических исследований. В большинстве исследований, посвященных Данте, тексты флорентийца рассматриваются с литературоведческих позиций, то есть основные тексты Данте - "Новая жизнь" и "Комедия" - воспринимаются как литературные произведения со всеми вытекающими отсюда следствиями. Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что, например, историки, обращавшиеся к этим текстам Данте, изучают лишь преломление конкретных исторических событий, "исторических фактов" в произведениях Данте. Между тем на современном уровне исследования Данте прагматика его текстов окончательно не прояснена. Очевидно, что Комедия представляет из себя нечто более, чем просто поэтический текст или формальный исторический источник. В то же время у нас нет оснований отнести Комедию к сугубо религиозным текстам. Возникает серьезный вопрос - к какому жанру можно отнести текст Комедии? Проблема эта исключительно сложная и одновременно, пожалуй, наиболее существенная из всех проблем, стоящих перед дантологией.

Основываясь на нашей исследовательской гипотезе, мы можем предположить, что Комедия является, по существу, философским текстом, принадлежащим к жанру «эсхатологической истории».

Понятие "эсхатологическая история" содержит в себе фундаментальную двойственность. С одной стороны, эсхатологическая история есть изложение конечной судьбы мира и человечества, как то мы видим в Апокалипсисе Иоанна Богослова, и в целом ряде структурно сходных профетических текстах. В этом своем аспекте эсхатологическая

история примыкает к корпусу историко-философских дисциплин, обсуждающих эволюцию социального макрокосма, и может рассматриваться как направление историософии. С другой стороны, «эсхатологическая история может излагать "конечную судьбу" конкретного человека, фиксируя индивидуальный опыт путешествия в иной мир для обретения некоего знания. Традиционно тексты такого типа рассматривались европейской наукой либо как мистические, либо как ритуальные, то есть связанные с областью религии или мифологии. Между тем, основываясь на анализе значительного числа текстов, принадлежащих к этому направлению эсхатологической истории, можно утверждать, что перед нами - фиксация опыта философской авторефлексии, то есть попытка позитивного описания "путешествия" вглубь своего внутреннего мира, что, бесспорно, трансформирует проблему изучения таких текстов в проблему истории философии. Указанный тип эсхатологической истории мы можем определить как описание "путешествия в себя". Понятие это нами заимствовано из персидской философской традиции, в частности, из послания Гусейни Саадата к Махмуду Шабустари. Правомочность привлечения персидского компаративного материала будет рассмотрена в отдельной главе нашего исследования. Используя это понятие, мы будем отличать эсхатологическую историю "в широком смысле" как общий термин, обозначающий тексты, обсуждающие судьбу мира и человечества, от эсхатологической истории "в узком смысле" как попытки описания индивидуальной философской рефлексии внутреннего мира, то есть о том, о чём мы в дальнейшем будем говорить как о "путешествии в себя". Следует сразу же сказать, что принципиальным моментом является "нормативность" описания "путешествия в себя" - мы имеем дело с образным языком, своего рода пред-терминологией, находящийся в таком же отношении с концептами современной когнитивной науки, в каком находятся средневековые термины алхимии - с понятиями современной химии. Собственно, эсхатологическая история именно как философия "путешествия в себя" и будет рассматриваться в нашей работе на материале текстов Данте, и ряда иных, структурно сходных текстов.

В последнее время жанр эсхатологической истории "в узком смысле" начинает привлекать внимание историков философии, религиоведов и культурологов. К этому жанру принадлежит значительный корпус как средневековых европейских, так и восточных текстов, которые, по причине неясности своей прагматики, в европейской традиции рассматривались либо как тексты художественной литературы, либо как мистические сочинения, что не позволяло проанализировать их философское содержание. Между тем философский анализ текстов указанного выше типа может пролить свет на то, как в действительности мыслилась средневековым человеком структура окружающего его социального мира и скрытого в нём внутреннего мира, мира его разума.

И здесь мы подходим к формулированию фундаментального вопроса, от решения которого зависит то направление, которое примет наша интерпретация текстов эсхатологической истории, повествующих о "путешествии в себя". Как можно охарактеризовать тот тип знания, что содержится в текстах рассматриваемого нами класса? Иными словами, имеем ли мы дело с попыткой объективной рефлексии некоей реальности, или только с передачей субъективных ощущений, порождающих поэтические образы? Гипотеза настоящей работы состоит в том, что тексты, относящиеся к жанру "путешествия в себя", которые будут рассмотрены в данном исследовании, могут быть с точки зрения истории философии

определены как прото-научные тексты, то есть, говоря современным языком, как философские тексты, описывающие структуру сознания.

Такого рода прото-научные тексты возникают в период становления области знания в ситуации, когда возникает интерес к определённой проблематике, однако ещё не хватает технических средств (концептуального аппарата, экспериментальных результатов, необходимых приборов) для решения поставленной проблемы в рамках научной методологии. Прото-научный текст содержит лишь постановку проблемы и некую совокупность метафор, за которыми скрываются догадки о путях решения поставленной проблемы.

Классическим примером прото-научных текстов могут служить фрагменты сочинений до-сократиков. С одной стороны, мы не можем рассматривать тексты Парменида или Эмпидокла как научные тексты в строгом смысле этого слова, так как предложенные ими ответы не выдерживают критериев научности, являясь либо недоказуемыми, либо экспериментально неверными, с другой же стороны, в этих текстах содержится совокупность вопросов, из попыток ответов на которые и возникла современная наука. Иными словами, своими вопросами они породили столь сильный мыслительный импульс, что ему не суждено угаснуть, пока ответ не будет найден, и в этом смысле их тексты прото-научны, ибо они задали первичное движение научному мышлению. Пример до-сократических фрагментов интересен ещё и в другом аспекте. По мере эволюции и совершенствования наших научных знаний интерес к этим прото-научным текстам не только не ослабевает, но и, наоборот, усиливается. Причина этого проста - метафорическая система прото-научных текстов, чья сложность и многосмысленность была изначально призвана возместить отсутствие строгого концептуального аппарата, оказывается настолько семантически богата, что по мере развития научного знания из неё могут быть извлечены всё новые и новые креативные смыслы, влияющие на развитие научных идей.

О влиянии образно-метафорической системы прото-научных текстов на концептуальный аппарат научных текстов стоит сказать особо. Понятие, концепт - это застывшая метафора, чей подвижный, живой, развивающийся смысл единовременно зафиксировался, обрёл терминологическую точность и тем самым омертвел. Здесь наблюдается живая эволюционная связь между образной системой поэтизированного прото-научного текста (в качестве примера можно привести и Парменида, и европейские алхимические поэмы) и концептуальным аппаратом первоклассного научного текста. Тем самым у нас нет оснований отвергать прото-научность текста лишь на том основании, что он насквозь метафоричен, и метафоры его темны. Если метафоры и образы создают стройную систему, если их можно рассматривать как строгие, устойчивые концепты внутри своей системы, пусть и с трудом понимаемые "внешним наблюдателем", не знакомым с этой системой, то мы имеем все основания рассматривать такой текст как прото-научный, то есть содержащий попытку объективно понимаемого решения поставленного вопроса.

Итак, мы формулируем два принципиальных критерия прото-научного текста: а) постановка содержательного вопроса, ответ на который возможен в рамках научного

дискурса б) наличие развитой и строгой образно-метафорической системы, предполагающей объективное понимание и толкование её концептов, и соответственно предполагающая возможность её "перевода" в иной концептуальный аппарат.

Основываясь на этих критериях, мы высказываем предположение, что "Комедия" Данте, отнесённая нами к жанру эсхатологической истории, может быть типологически определена как прото-научный текст. Исходя из специфики жанра эсхатологической истории, описывающей "путешествие в себя", мы высказываем предположение, что "Комедия" Данте содержит в себе рефлексию структуры сознания на том уровне, который был доступен средневековой "науке о человеке".

Итак, мы можем сформулировать содержание возникающей перед нами научной проблемы следующим образом: какова специфика представлений о структуре внутреннего мира в рамках о/санра эсхатологической истории, обнаруживаемых в текстах Данте. Представляется, что данная проблема актуальна по целому ряду причин.

Во-первых, её прояснение даёт нам ключ к пониманию прагматической структуры Комедии, и, тем самым, способствует нахождению ответа на наиболее серьёзный вопрос дантологии - а какова, собственно, была цель создания Комедии?

Во-вторых, обращение к этой проблеме позволяет заполнить существующий в дантологических исследованиях значительный пробел, ибо проблема "Данте и его представления о структуре внутреннего мира человека" на данный момент не только не решена, но и находится на периферии дантологических исследований.

В-третьих, вписывание текстов Данте в круг текстов эсхатологической истории, что неизбежно влечёт за собой компаративный анализ текстов флорентийца и иных текстов, принадлежащих этому же жанру, позволяет по-новому взглянуть на культурный ландшафт эпохи Данте, что как нельзя более органично вписывается в современную исследовательскую парадигму науки о культуре.

В-четвёртых, рассмотрение представлений Данте о структуре внутреннего мира сможет создать условия для анализа текстов флорентийца в рамках исследования средневековых прото-научных систем.

Таким образом, на данном этапе развития истории культуры проблема эта актуальна в нескольких аспектах. С одной стороны, реконструкция Дантовской модели "путешествия в себя" в рамках жанра эсхатологической истории позволяет нам углубить наше понимание тех категорий, в которых мыслилась структура внутреннего мира человека на рубеже средних веков и Возрождения, концептуализировать прото-научные образы, вернуть терминологическое звучание тому, что ошибочно принималось и принимается за

поэтические образы. С другой стороны, анализ описанной Данте структуры внутреннего мира может быть весьма интересен и в другом аспекте - он создаёт новую перспективу для понимания путей эволюции представлений о человеческом мышлении и сознании.

Исследовательская гипотеза

Вслед за постановкой проблемы и демонстрацией её актуальности мы должны высказать предположение, создающее нам перспективную точку, с которой мы будем интерпретировать текст Комедии в частности, и корпус текстов Данте в целом. Наша первичная, базовая гипотеза заключается в том, что два наиболее известных и принципиальных для интерпретации текста Данте - Новая жизнь и Комедия - могут быть отнесены к жанру эсхатологической истории "в узком смысле" и в этом контексте могут рассматриваться с историко-философских позиций как прото-научные тексты.

Как было сказано выше, выделение жанра эсхатологической истории (в форме "путешествия в себя") как особого типа прото-научных текстов позволяет рассматривать эти тексты как источник для реконструкции философских представлений средневековья о структуре внутреннего мира человека. Исходя из нашего представления о специфике этого жанра, мы можем предположить, что целью "путешествия в себя" является рефлексия и "объективное" описание когнитивных структур человеческого разума. Гипотеза эта будет проверена нами как на материале текстов самого Данте, так на материале ряда других текстов, принадлежащих к жанру эсхатологической истории.

Цели и задачи диссертационного исследования.

В данной работе в качестве центральной поставлена цель реконструировать в общих чертах представления о структуре внутреннего мира человека у Данте Алигьери с историко-философских позиций, раскрыв на этом примере, с привлечением компаративного материала, специфику жанра эсхатологической истории "в узком смысле". Данная целевая установка позволила определить в качестве приоритетных следующие исследовательские задачи:

Компаративный анализ текстов, принадлежащих к жанру эсхатологической истории с целью выявления специфики такого типа прото-научного мышления, и, шире, как фрагмента средневекового философского дискурса.

Выявление в текстах Данте первичных метафорических структур, из которых "развернулись" его представления о структуре внутреннего мира человека. Нахождение одной или нескольких первичных метафор позволит понять генезис философских представлений Данте. Рассмотрение эволюции эсхатологических представлений Данте, выявление закономерности их трансформации.

Выявление и демонстрация образной структуры "путешествия в себя" в текстах Данте, которая позволит реконструировать некоторые фундаментальные особенности философии Данте в качестве итога нашего исследования.

Степень научной разработанности проблемы.

Литература, посвященная Данте, практически необозрима. Чтобы охарактеризовать динамику изучения и осмысления текстов Данте, мы можем выделить несколько принципиальных этапов развития дантологии.

В качестве первого этапа можно выделить раннюю биографическую комментаторскую традицию, возникшую сразу же после смерти Данте. Один из первых комментариев к Комедии был составлен сыном Данте Якопо Алигьери. Вслед за ним и вплоть до начала XVI века появилось несколько десятков комментариев к Комедии, среди которых наибольшим авторитетом пользовался комментарий Франческо Ландино, выдержанный в неоплатоническом духе. Раннюю комментаторскую традицию характеризует прежде всего интерес к дантовским аллегориям - то есть Комедия понималась как иносказание. Именно тогда, в середине XV века возникло "культовое" отношение к текстам Данте, Комедию комментировали во флорентийских церквях виднейшие гуманисты. Параллельно комментаторской традиции развивалась и биографическая традиция, начатая Джованни Виллани, создавшего небольшой биографический очерк о Данте в девятой книге своей "Новой хроники"¹. Наиболее известна биография Данте, созданная Джованни Боккаччо², в которой он постарался максимально подробно отразить все известные ему свидетельства о жизни флорентийца, но так как он писал свой труд около 1350 года, то есть через почти тридцать лет после смерти Данте, в биографию наряду с рядом достоверных сведений вошло множество легенд и исторических анекдотов, вокруг истинности которых уже более столетия ведутся дебаты среди дантологов. В числа ранних жизнеописаний Данте можно вспомнить труд известного гуманиста Леонардо Бруни³.

С начала XVII века, в связи с кардинальной сменой эстетических критериев, и вплоть до начала XIX века, тексты Данте не привлекают значительного внимания исследователей, рассматриваясь как образчик "средневекового варварства". Текст Вико, посвященный Данте, можно рассматривать как редкий пример обращения к творчеству Данте, однако сам подход неаполитанского мыслителя к творениям флорентийца, рассматривавшего Комедию в контексте "героической", эпической поэзии средневековья, вполне характерен для эпохи барокко и просвещения⁴.

Вторая половина XIX - начало XX века - эпоха возникновения дантологии как науки. Именно в этот период возникли фундаментальные исследования биографии Данте, появились критические издания его трудов. Среди наиболее заметных биографических трудов о флорентийца можно назвать работы Барби,

1 Виллани Джованни. Новая хроника, или история Флоренции. М., 1997. С 273-274

2 Boccaccio G. Trattatello in laude di Dante. Firenze, 1995

3 Bruni L. La vita di Dante. // Solerti A. Le vite di Dante, Petrarca e Boccaccio scritte fino al secolo XVI. Milano, 1904

4 Вико Д. Б. Суждение о Данте.// Вико Д.Б. Основания новой науки об общей природе наций. М., 1994 С.503-505

Риччи, Цингарелли⁵. Как завершение этого "биографического" этапа в исследовании Данте можно упомянуть появившийся в 1950 году сборник документов, касающихся жизни самого Данте и его семьи⁶. Нельзя не упомянуть также вышедшую в 1970-е гг. многотомную *Enciclopedia dantesca* - универсальное справочное издание, суммировавшее результаты дантологических изысканий за более чем столетний период .

Параллельно изучению жизни флорентийца возник огромный интерес к комментированию в сугубо историко-литературоведческом стиле отдельных наиболее известных эпизодов Комедии. Таким образом, начальный этап развития дантологии как науки можно охарактеризовать повышенным интересом к реконструкции жизни Данте, и одновременно интересом к комментированию ряда ставших "хрестоматийными" эпизодов Комедии. В комментаторской традиции, по сравнению с эпохой Ренессанса, интерес закономерно сместился от толкования аллегорий к прояснению историко-литературного смысла наиболее "интересных" (с точки зрения исследователя) эпизодов Комедии.

Начиная с середины 60-х гг. XX века в дантологии начинают усиливаться историко-философские тенденции анализа. Тексты Данте, ранее рассматривавшиеся как нечто самодостаточные, начинают вызывать интерес именно своей вписанностью в историко-философский и социо-культурный контекст. Резко возрастает интерес к проблеме "Данте и Восток", "Данте и христианская иконография". Наравне с этим продолжают выходить новые, более совершенные критические издания сочинений флорентийца⁸. Говоря о современных тенденциях развития дантологии, можно ожидать всё большего уклонения в сторону историко-философских и культурологических исследований и отхода от узкого литературоведческого подхода к текстам Данте.

За последние сто пятьдесят лет о Данте были написаны сотни книг и многие тысячи статей. Между тем историки философии обращались к текстам

5 Barbi M. Dante: vita, opere e fortuna. Firenze, 1952; Ricci C. L'ultimo rifugio di Dante. Milano, 1921; Zingarelli N. La vita, i tempi e le opere di Dante. Milano, 1931

6 Piattoli R. Codici diplomatici dantesco. Firenze, 1950

7 Enciclopedia dantesca. Roma, 1970-1976

8 Последнее критическое издание сочинений флорентийца см. Dante Alighieri. Tutte le opere. Introduzione di Italo Borzi. Coinedenti a cura di Giovanni Fallani, Nicola Maggi e Silvio Zennaro. Roma, 1997. флорентийца гораздо реже, чем того можно было ожидать. Западная дантология, в своём объёме практически необозримая, использовала в исторических исследованиях источниковедческий потенциал Комедии в несравненно большей степени, чем российская. Комедия как источник для реконструкции политической истории Италии рассматривается в работах С. Девиса и Л. Галанти⁹ В последнее время стало появляться все больше исследований, рассматривающих текст Данте как источник для реконструкции истории отдельных регионов - Вероны¹⁰, Луниджаны¹¹. С начала XX века в работах таких востоковедов, как М. Асин Паласиос¹², Ф. Габриэлли¹³, Э. Черулли¹⁴ и К. Сакконе¹⁵ Комедия начинает рассматриваться как источник первостепенной важности для реконструкции культурных контактов Италии с исламским миром на рубеже дученто и треченто. В этом направлении на данный момент работает группа исследователей из Италии, Великобритании и ряда других стран, организованная несколько лет назад Эдом Эмери на базе Оксфордского университета. Этой группой было проведено несколько международных конференций, последняя из которых проходила в Венеции в сентябре 2002 года¹⁶. В 1990 г. вышло обстоятельное исследование Э. Морган¹⁷, посвящённое воздействию традиции средневековых видений на структуру Комедии.

С момента своего возникновения российская дантология, по сути своей, как зеркало, отражает основные тенденции европейской дантологии. В течении XIX и первой половины XX века не было предпринято сколько-нибудь серьёзных попыток рассмотрения текстов Данте как источника для реконструкции его философской картины мира - основное внимание было направлено на

9 Davis C.T. Dante and the Idea of Rome. Oxford, 1957; Ferrante J. M. The Political Vision of the Divine Comedy. Princeton, 1984; Galanti L. La Lupa e il Veltro. La Chiesa e i nuovi Ordini Mendicanti nel pensiero politico-religioso di Dante. Mulazzo, 1983

10 Carrara M. Dante nella civiltà scaligera. Firenze, 1970 n Galanti L. La Limigiana nella Divina Commedia. Mulazzo, 1988; Galanti L. Il secondo soggiorno di Dante in Lunigiana e la composizione del Purgatorio. Lunigiana, 1993

12 Asin Palacios M. La escatología musulmana en la Divina Comedia. Madrid, 1984

13 Габриэли Ф. Данте и ислам. // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978 С. 203-208

14 Cemlli E. II "Libro della Scala" e la questione delle fonti arabo-spagnole della "Divina Commedia". Citta del Vaticano, 1949.

Cerulli E. Nuove ricerche sul "Libro della Scala" e la conoscenza dell' Islamo in Occidente. Citta del Vaticano, 1972

15 Saccone C. И "Libro della Scala" do Maometto. Milano, 1999 Saccone C. Viaggi e visioni di re, sufi, profeti. Milano, 1999

16 Материалы семинаров см. на сайте : <http://www.geocities.com/dantestudies>. выявление круга текстов, оказавших определённое влияние на Данте (А. Веселовский), и реконструкции жизни флорентийца и окружавшего его культурного ландшафта (А. К. Дживелегов¹⁸). Этому же пути придерживался и И.Н. Голенищев-Кутузов¹⁹ - основатель современной российской дантологической школы. По случаю семисотлетия со дня рождения Данте в СССР была создана "Дантовская комиссия", результатом деятельности которой было издания "Дантовского сборника". С 1968 года было выпущено 12 сборников, отражающих основные тенденции отечественной дантологии. На основании опубликованных там материалов можно сделать вывод, что если в момент "формального" возникновения мощной российской дантологической школы (1965) интерес сосредотачивался в основном на литературоведческом аспекте исследований творчества самого Данте, то на данный момент основное внимание дантологов сосредоточено на изучении влияния текстов Данте на русскую и, шире, славянские литературы.

В 70-80 гг. появились работы Е.П. Наумова²⁰, впервого в российской дантологии начавшего серьёзно рассматривать Комедию как источник для реконструкции политической истории Европы рубежа XIII-XIV вв. М. Шахиди²¹ в своей статье "Абу Али ибн Сина- обитатель Лимба" вслед за Э.Е. Бертельсом²² обратился к широко обсуждаемой в западной литературе теме христианско-исламских культурных контактов в эпоху Данте, обратив внимание на весьма любопытную параллель между Комедией Данте и одним малоизвестным трактатом Ибн Сины. Среди достаточно ограниченного числа российских работ, посвященных Данте, можно выделить несколько статей Игоря Бэлзы, впрочем, достаточно спорных, где была предпринята попытка вписать Данте в весьма нетривиальный историко-культурный контекст. Однако в целом объектом внимания российской дантологии по-прежнему остаётся литературоведческий аспект наследия Данте.

17 Morgan E. Dante and Medieval Other World. Cambridge, 1990 с Дживелегов А.К. Данте. М., 1933

19 Голенищев-Кутузов Н.И. Данте. М., 1967, а так же его обобщающее исследование, посвященное Данте: Голенищев-Кутузов Н.И. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971

20 Наумов Е.П. Политическая карта Европы 1300 года по оценке Данте. // Дантовские чтения 1976. М., 1976. С. 13-43; Наумов Е.П. Сословные монархии средневековой Европы и политические концепции Данте. // Дантовские чтения 1979. М., 1979. С. 10-33; Наумов Е.П. Данте об истории французского королевства. // Дантовские чтения 1985. М., 1985 С. 36-66.

21 Шахиди М. Абу Али ибн Сина- обитатель Лимба. // "Дантовские чтения" М., 1985. С. 151-174

22 Бертельс Е.Э. Одна из мелких поэм Сенаи в рукописи Азиатского Музея. // Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. М., 1965. С. 320-323.

Говоря о российской дантологии, необходимо назвать целый ряд работ, в которых тексты Данте рассматриваются с историко-философских позиций. Как пример обзорного историко-философского исследования нельзя не упомянуть монографию А.Л. Доброхотова²³. Проблемы философской антропологии Данте освещаются в работе В.А. Карпушина²⁴. М.Л. Андреев в своей статье²⁵ анализирует представления Данте о вечности, тем самым, обращаясь к историко-философской проблематике и отчасти затрагивая эсхатологическую проблематику. Проблематика вечности в философских представлениях Данте также рассматривается в статье В.Л. Рабиновича²⁶. Особого внимания заслуживает работа И.Е. Малашенко²⁷, освещающая не вполне ясный пока вопрос о степени влияния аверроизма на философские представления Данте. О возможных связях Данте с ближневосточной традицией писали, как мы же указали выше, Э.Е. Бертельс и М. Шахиди.

Как это ни странно, сколько-нибудь значительных работ, посвященных анализу историко-эсхатологических представлений Данте, не существует. Вычленяемая из его текстов модель "иного мира" рассматривается либо в контексте теологии, притом обычно - в весьма предвзятой, "про-католической" манере, либо в контексте его политических воззрений, что также едва ли справедливо. Весьма интересны попытки рассмотрения текстов Данте в свете иоакимитской эсхатологической истории, когда тексты флорентийца сопоставляются с сочинениями Иоахима Флорского²⁸. Но в целом приходится констатировать, что корпус текстов Данте не был ещё серьёзно рассмотрен в контексте жанра эсхатологической истории.

Тема "Комедия" Данте в контексте описания "путешествия в себя", то есть эсхатологической истории в узком смысле, на данный момент практически не разработана.

Объясняется это, на наш взгляд, прежде всего тем, что само по себе изучение текстов эсхатологической истории "в узком смысле" находится

23 Доброхотов А.Л. Данте, М, 1990

24 Карпушин В.А. Некоторые аспекты философской концепции личности у Данте. //Дантовские чтения. М., 1968

25 М.Л. Андреев Время и вечность в «Божественной Комедии». // Дантовские чтения. М., 1979

26 Рабинович В.Л. Божественная комедия и миф о философском камне. //Дантовские чтения. М., 1985

27 Малащенко И.Е. Мирозрение Данте и проблема философской эволюции Сигера Брабантского. //Дантовские чтения. М., 1982

28 Piromalli A. Gioacchino da Fiore e Dante. Raveima, 1966; Tondelli L. Da Gioacchino a Dante. Torino, 1944 пока лишь на зачаточной стадии, хотя бесспорен и быстрый рост интереса к этой теме. Прежде всего, в сферу рассмотрения попадают тексты, историко-культурный контекст которых легко допускает их интерпретацию в рамках опытов рефлексии внутреннего мира человека. Прежде всего, это относится к текстам тибетского буддизма. Ваджраянистская традиция путешествия в себя изучена достаточно хорошо, переведены и изучены ряд фундаментальных текстов, существуют десятки монографий и статей, посвященных исследованию этой темы. Тексты персидской традиции о "путешествии в себя" изучены в меньшей степени, можно указать лишь на переводы нескольких текстов, при практическом отсутствии научных работ, интерпретирующих саму традицию. Эта тема привлекала внимание иранистов лишь в контексте изучения суфизма, при этом по сию пору остаётся открытым вопрос, принадлежат ли эти тексты суфийской или же исмаилитской традиции. Существенно, что при интерпретации в рамках "науки о человеке" тибетских и персидских текстов, описывающих "путешествие в себя", западные исследователи в большинстве своём опираются прежде всего на «формальную» философскую традицию, в рамках которой эти тексты функционировали, но не на сами тексты. В тех случаях, когда текст оказывается вне традиции, как то мы видим на примере "Комедии" Данте, его интерпретация оказывается делом исключительно сложным, требующим весьма тонких методологических орудий, но прежде всего - определённых интерпретационных установок.

В качестве историко-философской интерпретационной установки мы имеем в виду концепцию протонаучного текста. Концепция эта возникла относительно недавно в контексте развития истории научно-философской мысли как отдельной дисциплины. Её основоположниками можно считать Мартина Хайдеггера и Хосе Ортегу-и-Гассета,

предпринявших серьёзную попытку переосмысления текстов досократиков как исходной точки развития европейской научно-философской мысли. Таким образом, произошло включение в историко-научный дискурс значительного количества текстов, являющимися философскими текстами, однако формально не соответствующих критериям научности, но тем не менее содержащих в себе "зародыш" той научной проблематики, той парадигмы, в рамках которой впоследствии развивалась европейская наука. Интерпретация прото-научных текстов досократиков позволил выделить и проанализировать фундаментальные протонаучные концепты, сыгравших исключительно важную роль в формировании научной онтологии и концептуального аппарата. Замечательным примером подобного концептуального анализа могут служить работы И.Д. Рожанского.

К середине 20 века историки науки обратили свой взгляд на прото-научные тексты пред-Модерна, вызвавшие особый интерес в контексте исследования генезиса классической европейской науки Нового времени. Нельзя не упомянуть классические работы Френсис Йейтс "Искусство памяти" и "Джордано Бруно и герметическая традиция"²⁹, по сути, первой обратившей внимание на огромный пласт философских и одновременно прото-научных текстов, до этого вообще не рассматривавшихся в рамках историко-научного дискурса и воспринимавшихся как мистические писания или откровенное шарлатанство. В контексте переосмысления прото-научных текстов пред-Модерна значительный вклад внесли исследования В.Л. Рабиновича, рассматривавшего роль алхимических текстов в формировании химии как науки³⁰. В.П. Зубов и М.А. Гуковский в своих фундаментальных работах на основании весьма тонкого анализа текста вскрыли структуру прото-научных концептов Леонардо да Винчи, продемонстрировав механику возникновения опытного научного знания из образов прото-научного мышления.³¹ Начиная с 1960-х годов появились несколько интересных работ, в которых "Великое искусство" Рамона Луллия, сугубо средневековое и схоластическое на первый взгляд, рассматривалось как едва ли не первая попытка создания теории "искусственного интеллекта". Можно констатировать, что изучение прото-научных текстов пред-Модерна является одним из наиболее перспективных и быстроразвивающихся направлений историко-культурных исследований.

В меньшей степени изучены прото-научные тексты иных культур. В первую очередь это объясняется тем, что применительно к Китаю, Ирану или Индии до начала 20 века трудно говорить о существовании "нормальной" науки. По сути своей, она вся, с западной точки зрения, прото-научна. Среди ряда попыток анализа прото-научных текстов иных культур можно упомянуть классическое исследование Нидэма о китайской науке, а так же работы Е.А. Торчинова,

29 Yates F. Giordano Bruno and the hermetic tradition. London, 1991; Yates, 1990 - Yates F. The Art of the Memory. London. 1990

30 Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979

31 Зубов В.П. Леонардо да Винчи. М.-Л., 1962; Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. М.-Л., 1947 посвященные интерпретации даосских алхимических текстов. При анализе прото-научных текстов Востока, которые могут быть отнесены к области "науки о человеке", основная сложность состоит в разграничении собственно прото-научных текстов, и текстов мистико-религиозных. Собственно, в большинстве случаев это разграничение повести практически невозможно. Как представляется, разработка теории прото-науки применительно к неевропейским культурам, в значительной мере - дело будущего.

Подводя итог, мы можем констатировать, что помимо литературоведческого подхода к Комедии Данте, возможны совершенно иные подходы, в рамках которых интересующий нас текст оказывается вовлечённым в историко-научный дискурс, расширяя наши представления о развитии прото-научной мысли пред-Модерна. В своём подходе к интересующей нас проблеме, в формулировании целей и задач данной работы мы опираемся на новейшее, культурологическое направление, стремясь тем самым не только проинтерпретировать тексты Данте, но и вписать их в широкий историко-культурный контекст, позволяющий по-новому осознать культурное единство той эпохи, в которую жил Данте.

Источниковедческие основания исследования.

Постановка исследовательской цели и приоритетных исследовательских задач предопределили наш выбор основных источников. Привлекаемые источники мы можем разделить на две группы.

К первой группе источников, которые мы будем использовать в данной работе, относится корпус текстов Данте, и прежде всего - "Комедия" и "Новая Жизнь". Так же нами будут привлекаться трактат "Монархия", содержащий ценный материал для реконструкции представлений Данте об идеальной структуре макрокосма. Следует особо отметить, что мы избегаем привлекать те сочинения, авторство которых лишь приписывается Данте некоторыми учёными, но при этом эти тексты включены в собрание творений флорентийца.

Ко второй группе источников, дающих возможность охарактеризовать жанр средневековой "эсхатологической истории" как таковой, нами будет отнесён ряд персидских текстов: надпись Картира, Арда-Вираф намак", трактат Ибн Сины "Хай ибн Якзан", поэма Санаи "Путешествие рабов божьих к месту возврата", а так же ряд второстепенных текстов. Необходимо оговорить причины привлечения персидских текстов в качестве жанрового компаратива к текстам Данте. Прежде всего, в средневековой Европе жанр эсхатологической истории не был прагматически выделен, он был маргинален, и потому его изучение на европейском материале представляет отдельную, весьма сложную научную задачу. В Иране же, наоборот, этот жанр был весьма популярен, имел свой достаточно ясный канон, и поэтому персидский материал весьма удобен для изучения специфики жанра эсхатологической истории. В сопоставлении философских исламских текстов с

текстами Данте мы идём по стопам таких авторитетных учёных, как упомянутые нами ранее Асин Паласиос, Черулли и Сакконе. Сопоставление это тем более оправдано, ибо мы можем говорить о единой "средиземноморской культуре" как в отношении античной эпохи, так и применительно к средневековью. Иран и Средняя Азия, географически не принадлежа к этому региону, тем не менее принадлежала к нему в культурном смысле, что весьма остроумно и убедительно показывает С.П. Толстов в своей известной работе³².

Теоретические и методологические основания работы

Наша цель - реконструировать представления Данте о структуре внутреннего мира человека. Для этого нам необходимо избрать соответствующие методологические орудия, позволяющие найти правильный путь к достижению нашей цели. Прежде всего, мы обращаемся к герменевтическому анализу как к одному из наиболее эффективных инструментов историко-философского исследования текста.

Корпус текстов Данте потенциально содержит в себе материал для реконструкции философской картины мира флорентийца. Ограниченные объёмом исследования, мы вынуждены сконцентрироваться на текстах Данте, оставив за рамками рассмотрения значительное количество средневековых итальянских текстов, способных пролить свет на историко-культурный ландшафт дантовых представлений о мире и человеке. Сосредоточенность на корпусе текстов Данте, прагматика которых, как мы говорили выше, не совсем ясна, определяет нашу методологию: чтобы вычленив из совокупности текстов

32 Толстов С.П. Древний Хорезм. М, 1948 те смысловые структуры, которые позволят реконструировать интересующие нас представления о структуре внутреннего мира Данте, мы вынуждены обратиться к герменевтике и анализу текста как к инструменту, позволяющему нам достигнуть своей цели.

Рассматривая совокупность текстов Данте как систему, где отдельные элементы проясняют и толкуют друг друга, мы должны извлечь из этого корпуса текстов объективные свидетельства об интересующих нас элементах Дантовой картины мира. Текст полифоничен по своей природе, внутри него возникает своеобразный диалог, переключки смыслов, и интерпретация текста - это прежде всего толкование этого скрытого диалога³³. Однако процесс герменевтического анализа - то есть сам текст-анализ - технически весьма сложен. Прежде всего, мы должны проанализировать прагматическую структуру текста, проинтерпретировать его форму. Прагматика текста не может быть случайной, ибо именно прагматика делает текст понимаемым другими людьми, "пристыковывает" его к сознанию читателя³⁴. Прагматический анализ текста даёт ответ на вопрос, как текст должен был восприниматься современниками автора.

Следующий этап - анализ скрытых семантических структур текста³⁵, являющихся весьма существенными элементами философских взглядов автора. Любой текст, возникающий как

единое целое, неизбежно обладает семантическим единством. Первое, что необходимо сделать предположительно выделить принципы, семантически интегрирующие текст. По существу, это является ответом на вопрос, зачем данный текст был создан. Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо проделать ряд герменевтических операций. Вначале необходимо выделить структурообразующие, наиболее семантически нагруженные фрагменты текста. Подчас это сделать весьма легко, ибо ими могут оказаться наиболее известные фрагменты рассматриваемого текста, интуитивно привлекавшие внимание многих поколений читателей и интерпретаторов. Однако иногда мы видим иную картину - текст, в целом легко интерпретируемый, содержит "тёмные"

33 Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. // Бахтин М.СМ. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237-280.

34 Годоров Ц. Понятие литературы.// Семиотика. М., 1983. С. 335-370. фрагменты, чей "сюжетный" смысл утерян - иными словами, непонятно, почему автор включил их в текст. Весьма вероятно, что именно эти фрагменты, утратившие для нас смысл, и являлись для автора стержневыми, смысл ообразующими.

И в том, и в другом случае выбранные фрагменты должны быть подвергнуты тщательному филологическому и герменевтическому анализу. Филологический анализ позволяет привлечь структуры языка, на котором написан интерпретируемый текст, в качестве инструмента интерпретации, то есть позволяет учесть все лексические и грамматические многозначности данного текста. Таким образом, все словарные и грамматические смыслы оказываются учтёнными. После этого необходимо истолковать эти многозначности - отсеять пустые, случайные смыслы и углубить своё понимание тех смыслов, которые были вложены в текст либо волей автора, либо же "распределённым разумом" культуры³⁶.

После интерпретации выбранных нами для анализа фрагментов необходимо воссоздать ту смысловую структуру, которую они некогда образовывали, то есть понять, почему именно те, а не иные совокупности смыслов были выбраны автором для построения семантического скелета текста. Эта реконструкция тем более необходима, если проинтерпретированные фрагменты по-прежнему остаются "тёмными местами" - ясен их буквальный смысл, но не ясна роль в общей архитектуре текста. В таком случае "тёмные места", объединённые в некую структуру, будут прояснять друг друга- то, что неясно в отдельности, обретёт ясный смысл как целостность.

В результате произведённого по такой схеме анализа текста мы получаем совокупность концептов и образов, которые для автора текста имели принципиальное значение. Эти концепты и образы, в свою очередь, так же нуждаются в интерпретации. По существу, мы получаем концептуализированное описание реальности, но при этом нам априорно не известна граница применимости выделенных нами концептов. Для прояснения

35 Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972; Якобсон Р. Взгляд на "Вид" Гёльдерлина // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 364-286; Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина. СПб., 2003

36 Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988; Рикёр П. Конфликт интерпретация. Очерки о герменевтике. М., 1995 их смысла мы должны прибегнуть к помощи концепт-анализа³⁷. Существенно, что интерпретируя прото-научными концептами, мы по существу интерпретируем метафорами, ибо, детерминологизировавшись, они вновь метафоризировались³⁸. По существу, мы вынуждены применять концепт-анализ к метафорическим структурам, что необходимо делать не только при изучении прото-научных текстов, но так же и в исследованиях текстов «формального» философского и политического дискурса. В последнее время методология и практика концепт-анализа активно развивается в связи с такими философскими направлениями, как лингвистическая философия, философская семантика, а так же историками культуры и политологами³⁹. В силу необходимости анализировать концептуальные структуры дантовского текста нами были предприняты определённые усилия для разработки методов анализа концептов с помощью конитивных схем⁴⁰. Для решения поставленных нами задач концепт-анализ служит важнейшим методологическим орудием, позволяющим объективизировать смысл интерпретируемого текста, "перевести" его на язык современного понятийного аппарата. Без разработки теории и практики концепт-анализа было бы невозможно обосновать прото-научность рассматриваемых нами текстов.

37 Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. 2 vol. Cambridge, 1978; Вайнрих Х. Лингвистика лжи. // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 44-87; Ильин М.В. Слова и смыслы. М., 1997

38 Black M. Models and Metaphors. Studies in Language and Philosophy. Uthaca-London, 1962; Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago-London, 1987; Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago-London, 1980; Lakoff G, Turner M. More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago-London, 1989; Кассирер Э. Сила метафоры. // Теория метафоры. М., 1990 С. 33-43; Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры. // Теория метафоры. М., 1990 С. 68-81.

39 Остин Дж.Л. Слово как действие. // Новое зарубежной лингвистике, вып. 17 М., 1986; Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах. // Новое зарубежной лингвистике, вып. 17 М., 1986; Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое зарубежной лингвистике, вып. 17 М., 1986; Филмор Ч. Основные проблемы лексической семантики, акт // Новое зарубежной лингвистике, вып. 12 М., 1983; Ильин М.В. Слова и смыслы. М., 1997

40 Сергеев К.В. "Универсальны" ли метафоры лидерства? Материалы к сравнительной типологии метафор лидерства в индоевропейских и японском языках. // Концептуализация политики. Москва: МОНФ, 2001. Стр. 271-294; Сергеев К.В. Когнитивные модели и формирование религиозных институтов: античный протогностицизм. // Полис, 2002, №5

Стр. 86-95; Сергеев К.В. Интерпретационный кризис и "ментальные институты": опыт изучения институционализации индивидуальной рефлексии. // Когнитивные модели и институциональные трансформации. М., 2003 С. 139-157; Сергеев К.В. Периферийное знание в дискурсе креативности: социальные сети интересного. // Полис, 2003 №1.

Наконец, истолковав концепты, тем самым де-метафоризировав их, мы приступаем к последнему этапу - к воссозданию системы концептов, которые и являются скелетом искомых нами представлений Данте о структуре внутреннего мира человека. Одновременно, мы вычлняем и осевую систему концептов эсхатологической истории "в узком смысле", что позволяет в будущем обратиться к структурному анализу корпуса текстов эсхатологической истории в целом.

Таким образом, в качестве методологических орудий нами использован ряд исследовательских подходов: герменевтический анализ текста, анализ метафорических структур, концепт-анализ. В качестве методологических принципов нами использован принцип культурного диалога (возможность сопоставления текстов сходной прагматики, принадлежащих к различным культурам), а так же принцип семантического единства корпуса текстов, принадлежащих одному автору. В итоге эти методологические орудия, использованные по описанной выше схеме анализа текста, позволяют нам обнаружить в тексте Данте и реконструировать, в рамках историко-философского анализа, прото-научные представления флорентийца.

Научная новизна исследования.

Широкое использование методов герменевтического анализа текста и концепт-анализа позволило нам придти к ряду новых выводов о генезисе и развитии философских представлений Данте о структуре внутреннего мира человека.

- Герменевтический анализ текста позволил нам обнаружить во всём корпусе дантовских текстов единую образно-метафорическую структуру, описывающую модель ментального мира человека в кризисной ситуации.

Несмотря на значительное внимание к теме "Данте и ислам", сопоставление с персидскими философскими источниками ранее практически не производилось. Нами же были обнаружены фундаментальные параллели дантовской модели кризисного сознания с широким кругом средневековых персидских текстов, принадлежащих к жанру эсхатологической истории ~ Реконструкция модели кризисного сознания позволило обосновать тезис о прото-научном характере текста "Комедии" Данте.

- Анализ текста "Новой жизни" позволил нам реконструировать генезис текста Комедии, а так же проследить формирование философских и историко-эсхатологических идей Данте, найдя истоки его концепции "путешествия в себя".

Научно-практическая значимость диссертационного исследования заключается, прежде всего, в том, что результаты исследования позволяют добавить ряд новых элементов в представления о путях формирования европейской средневековой философской мысли.

Кроме того, рассмотрение текстов эсхатологической истории "в узком смысле" - то есть описаний "путешествия в себя" - как прото-научных текстов, позволяет, с одной стороны, типологизировать значительное количество текстов, чей жанр не был до этого ясно определён, с другой же стороны, позволяет интерпретировать их смысл в рамках философского прото-научного дискурса, тем самым рассматривая их в контексте эволюции философской мысли. Такой подход может не только обогатить наши представления об эволюции философских идей, но и, возможно, выделить ряд семантически богатых образно-метафорических структур, способных привести новые идеи в современную когнитивную науку. Таким образом, предлагаемый нами подход к текстам эсхатологической истории может способствовать углублению наших представлений об истории средневековой философии, в частности об идеях средневековой "науки о человеке", структурированию корпуса текстов, ранее трудно поддававшихся семантической классификации, а так же включению значительного историко-философского материала в современный интеллектуальный дискурс.

В связи со сказанным выше, результаты диссертационного исследования могут быть использованы при чтении лекций и проведении семинарских занятий по курсам истории средневековой философии, истории науки, теории герменевтики. Содержание диссертационной работы может служить основой для разработки таких специальных курсов, как "Семиотический анализ прото-научных текстов", "История философской мысли в средневековой Италии", "Данте и ислам".

Апробация работы.

Основные выводы и положения диссертационной работы были доложены на различных семинарах Института Истории Естествознания и Техники в 2002-2003 гг., и годичной конференции ИИЕТ в апреле 2002 г., а так же были представлены на Учёном Совете Института Истории Естествознания и Техники, рекомендовавшим к печати монографическое исследование по теме диссертации «Театр судьбы Данте Алигьери: введение в практическую анатомию гениальности», опубликованную в 2004 г. в издательстве «Летний Сад». Также они были представлены в виде доклада на международной конференции Arabic and Judaic influences in and around Dante Alighieri в Венеции в сентябре 2002 г. Промежуточные выводы были доложены на III Всероссийском конгрессе политологов в апреле 2003 г. в г. Москве. Методические разработки в области концепт-анализа, в дальнейшем применённые нами в диссертационном исследовании, были

доложены на конференции Rhetoric and Conceptual Change в Тампере, Финляндия, в июне 2001 г.

Заключение научной работы

диссертация на тему ""Божественная Комедия", как философский текст: к истории представлений о сознании в средние века"

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы можем сформулировать извлечённую из текстов Данте модель преодоления ментального кризиса через "путешествие в себя" - то есть через рефлексию структуры внутреннего мира и обретение креативности.

Первым и изначальным условием обретения креативности является природная способность человека порождать метафорические конструкции, то есть совмещать образы на одной воображаемой "плоскости". Проще говоря, человеку необходимо умение оживлять абстрактные понятия через трансформацию их в зримые, ощущаемые образы. Потенциально способность эта есть у каждого человека, актуально она присутствует у многих. И тем не менее актуализироваться во всей полноте она может лишь в том случае, если человек к этому прикладывает осознанные интеллектуальные усилия. Итак, первый необходимый этап — это осознанное совершенствование способности воображения трансформировать абстрактные понятия в образы, видимые внутренним зрением. Собственно говоря, это есть ни что иное, как особый вид визионерства, когда концентрация сил воображения способна оживить во "внутреннем театре" образ объекта, о котором человек усердно думает. Если мы обратимся к тексту *Vita Nuova*, то без труда поймём, что молодой Данте не только изначально обладал удивительной способностью создавать внутренние образы, но и сознательно развивал её, при этом ясно осознавая, что всё виденное им есть лишь фантомы разума.

Второй необходимый этап — это осознанное создание системы образов, призванных служить некими "инструментальными метафорами". Можно вспомнить суфийскую традицию создания внутри сознания образа возлюбленной, который отождествляется с божественным светом и тем приближает человека к высшей реальности. Хорошо известно, что эту традицию унаследовали провансальские трубадуры, и таким путём она укоренилась и в европейской культуре⁷⁴.

74 См.: Жизнеописания, 1993; Llull, 1993. Весьма интересен факт упоминания Луллием суфиев: Llull, 1954, vol. III, p. 10.

Данте в *Vita Nuova* подробно описывает процесс создания образной системы, а также вполне ясно говорит об "инструментальной цели" существования этих образов — обеспечить их создателю заступничество в ином мире, а говоря языком современным — освободить сознание, склонное к спонтанному созданию образов, от страха перед образным хаосом, парализующим мыслительные способности. Иными словами, человек, обладающий природной склонностью к спонтанному порождению образов, должен упорядочить этот хаос с помощью определённой системы образов, своеобразной "операционной системы" и, вызывая эти созданные образы, он может блокировать или корректировать хаотическую жизнедеятельность спонтанных образов.

Флорентиец не только создал образную "операционную систему", но и поведал о ней читателю как о бесценном опыте, не убоившись намекнуть на весьма жестокий в нашем понимании факт использования реального живого человека в качестве вполне условного внутреннего образа. Но у Данте были на то свои причины, и именно вследствие них его образная система оказалась столь потрясающе эффективной — флорентиец в юности пережил "опыт умирания", увидев у пределов жизни свою образную систему в действии. То, что в начале было лишь инструментом структурирования спонтанно возникающих образов, неожиданно (и, практически, случайно) превратилось в инструмент спасения жизни. Исходя из анализа текста «Новой жизни», можно предположить, что ещё в молодости Данте был выведен из тяжёлого состояния (возможно, вызванного сердечным приступом) появлением внутреннего образа Беатриче и, возможно, проводника Гвидо.

Флорентиец, изобретая механизм регулирования внутренних образов, неожиданно осознал, что сфера применения его изобретения несравненно шире, чем он мыслил вначале, а быть может, и безгранична. Созданные им ментальные образы спасли его "физически", и в этот момент он должен был понять, что стоит на пороге великого открытия — создания механизма креативности, управляемого системой образов. И образы эти, замкнутые в систему, но бесконечно свободные в её пределах, способны в критические моменты, когда "актуальное", природное сознание не может защитить человека, брать на себя управление ментальными процессами.

Итак, мы можем чётко сформулировать: вторым этапом обретения гениальности является построение образной "операционной системы", способной в критический момент "перепрограммировать" человеческое сознание и тем обеспечить человеку нахождение такого выхода из невыносимой ситуации, который он раньше был неспособен увидеть. Созданная рефлексией образная система в критический момент, когда природный разум отказывается служить, обретает форму синтетического разума и, в известном смысле, замещает природный, выводя своего создателя к "свету".

Изобретение этой "операционной системы" — поворотная точка в создании потенциальных условий обретения креативности. Однако само по себе оно ничего не гарантирует. Образная система — лишь приглашение к развитию, необходимая питательная среда, которая способна актуализировать в нужный момент этот синтетический разум. Мы можем утверждать, что для актуализации креативности в её высшей степени, то есть для возникновения актуальной возможности порождать новые ментальные объекты, требуется такая ситуация, в которой эта актуализация станет жизненно необходимой. В первых песнях «Комедии» флорентиец говорит об этом с исчерпывающей ясностью. Лишь «на середине Жизни» — то есть в точке, где земная жизнь встречается с жизнью небесной, в точке умирания — можно реализовать этот имагинативный разум. Едва образы обретут свою внутреннюю, не зависящую от природного разума логику, как человек высшую степень креативности, ибо ему, обретшему "второй разум", станет доступна иная реальность, реальность креативности, невидимая и непредставимая для тех, кто в ней не нуждается как в единственном инструменте спасения.

Мы ещё раз укажем на три уровня, которые преодолел флорентиец на пути к обретению креативности. Первый уровень — открытие в себе способности оперировать образами и сознательное развитие этой способности. Второй уровень — структурирование внутренних образов и создание из них "операционной системы", способной в критической ситуации автономно управлять сознанием и вторгаться в его программы. Третий уровень — актуализация «образного», имагинативного разума, то есть самосогласованной системы внутренних образов, и как следствие — "изменение программы", выживание, ментальное и физическое. Конечным результатом преодоления этих трёх уровней является обретение исключительно мощных креативных возможностей.

Итак, мы рассмотрели специфику дантовских представлений о "путешествии в себя", которые в равной степени могут быть определены и как философские, и как естественнонаучные. Модель обретения креативных способностей, обнаруженная нами в текстах Данте, имеет, как мы показали в заключительной главе, параллели в современных исследованиях структуры человеческого сознания. Дальнейшее исследование текстов Данте в ряду других прото-научных текстов о "путешествии в себя" может не только расширить наше представление о развитии прото-научной мысли Пред-модерна, но и привнести нечто новое и в современную когнитивную науку, включив надолго забытый мыслительный опыт в орбиту современного интеллектуального дискурса. В заключении мы суммируем основные результаты диссертационного исследования, выносимые на защиту.

1. Нами обосновывается применимость для интерпретации корпуса текстов Данте парадигмы «путешествия в себя», то есть описания глубинной рефлексии внутренней структуры сознания, которую в настоящей работе предлагается понимать как эсхатологическую историю «в узком смысле». С этой целью нами детально проанализирована образная структура первой песни, то есть наиболее значимого с этой точки зрения фрагмента текста «Божественной комедии». Мы вычленим тот "концептуальный аппарат", который позволяет интерпретировать дантовский текст, рассматривая его в рамках прагматики «путешествия в себя». На основании общего структурного анализа первой песни Комедии,

нами высказано предположение о том, что Данте описывает в Комедии процесс позитивного познания возможностей человеческого сознания.

2. Нами проанализирован ряд персидских текстов, проясняющих структурные особенности жанра эсхатологической истории как философского взгляда на конечную судьбу личности и общества, и глубинные связи этого жанра с философскими традициями средневековья. Показано, что для понимания текста Данте с историко-философской точки зрения, необходимо увидеть тот жанровый контекст, в который может быть вписана Комедия. Соответствующие жанровые сходства обнаруживаются в персидской традиции, в рамках которой эсхатологическая история получила значительное развитие. В частности, нами рассмотрены персидские тексты, содержащие в себе основные элементы метафорической системы описания эсхатологической истории.

3. На основе анализа текста «Новой жизни» нами обосновывается значение текста *Vita Nuova* для реконструкции генезиса эсхатологии Данте, рассматривается внутренняя структура *Vita Nuova*, и выделяется два основных сюжетных слоя. Нами проанализированы взаимосвязи элементов «визионерского» сюжетного слоя текста, а также подробно разобраны фрагменты, имеющие непосредственное отношение к генезису основной идеи «Божественной Комедии». Также нами выделены и проанализированы ключевые образы эсхатологии *Vita Nuova* и выявлена их фундаментальная связь с ключевыми образами Комедии

4. На материале трактатов Данте нами рассмотрен круг вопросов, связанных с механизмами социализации той формы философского дискурса, которую избрал Данте. Исходя из рассмотренных текстов, мы приходим к предположению, что в этих трактатах Данте развивает идеи, вполне согласующемуся с аверроистским учением, а именно говорит о коллективных актах мышления, по существу — о едином разуме человечества, который можно было бы назвать распределённым разумом.

5. С историко-философских позиций нами рассмотрены структурные особенности Комедии, проясняющие специфику дантовской модели «путешествия в себя». Следуя избранной методологии, из текста Комедии выделены ключевые для прояснения интересующей нас проблемы фрагменты, подвергнутые всестороннему рассмотрению. Анализ этих фрагментов вскрывает специфику дантовской модели "путешествия в себя". Ключевыми оказываются четыре эпизода *Inferno*: сцена с Франческой, эпизод с Фаринатой и Кавальканти, эпизод с Уллисом, и сцена с Уголино. На основании этого анализа делается вывод о том, что герои этих эпизодов могут быть проинтерпретированы как двойники Данте, в чьей судьбе он узнаёт возможные, но не реализовавшиеся повороты своей судьбы. Таким образом, можно утверждать, что действующие лица эсхатологической истории Комедии - это проекции самого "путешественника", результаты его философской рефлексии своего жизненного пути. Четыре судьбы, чьими символами стали четыре наиболее известных фрагмента Ада, предстают перед Данте как знаки, отмечающие поворотные точки его жизни, когда от выбранного в данный момент пути зависело конечное спасение. По сути, это - поворотные точки его судьбы. Иными словами, в центре

философско-эсхатологической модели Данте стоит сам Данте, он центр созданного его воображением эсхатологического мира, он - цель очерченной им эсхатологической истории. 6. Нами была предпринята попытка интерпретации сюжета «путешествия в себя» на языке современной науки, являющаяся, по сути, попыткой совместить историко-философскую проблематику и проблематику когнитивных исследований. Для этого нами была привлечена теория поисковой активности В. Рутенберга, позволяющая рассматривать сам жанр «путешествия в себя» в целом, и «Божественную комедию» в частности как опыт описания механизма преодоления ментального кризиса.

Список научной литературы

Сергеев, Кирилл Викторович, диссертация по теме "История философии"

1. Андреев, 1979 Андреев М.Л. Время и вечность в "Божественной комедии". - Дантовские чтения 1979. М., 1979
2. Андрушко, 1989 Андрушко В.А. Феноменология зрения и света в поэзии Данте. - Дантовские чтения 1987. М., 1989
3. Ауэрбах, 1976 Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1976
4. Балашов, 1967 Балашов Н.И. Данте и Возрождение,- Данте и всемирная литература. М., 1967
5. Бахтин, 1979 Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. // Бахтин М.СМ. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
6. Баткин, 1965 Баткин Л.М. Данте и его время. М., 1965
7. Бертельс, 1960 Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960
8. Бертельс, 1965 Бертельс Е.Э. Одна из мелких поэм Сенаи в рукописи Азиатского Музея. - Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. М., 1965

9. Бертельс, 1988 Бертельс Е.Э. Авиценна и персидская литература, -Бертельс Е. Э. История литературы и культуры Ирана. М., 1988
10. Бертельс, 1959 Бертельс А.Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959
11. Бертельс, Бакоев, 1967 Бертельс А., Бакоев М. Алфавитный указатель рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959-1963 гг. М., 1967
12. Бертельс, 1997 Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX-XV вв. М., 1997
13. Блум, Лейзерсон, Хофстедтер, 1988 Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М., 1988
14. Бойс, 1994 Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. СПб., 1994
15. Борхес, 1994 Борхес Х.Л. Девять очерков о Данте, - Собрание сочинений в III томах. Т. И. Рига, 1994
16. Бэлза, 1971 Бэлза И. На полях "Божественной комедии". - Дантовские чтения 1971. М., 1971
17. Бэлза, 1973 Бэлза И. Беатриче. Некоторые проблемы современной дантологии. Дантовские чтения 1973. М., 1973
18. Бэлза, 1979 Бэлза И. Некоторые проблемы интерпретации и комментирования "Божественной комедии". - Дантовские чтения 1979. М., 1979
19. Бэлза, 1985 Бэлза И. Il ben de l'intelletto. - Дантовские чтения 1985. М., 1985
20. Вайнрих, 1987 Вайнрих Х. Лингвистика лжи. // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

21. Вендидад, 1984 Вендидад, 1 глава, пер. И.С. Брагинского. - Литература древнего Востока. М., 1984
22. Вико Д. Б. Суждение о Данте.// Вико ДБ. Основания новой науки об общей природе наций. М., 1994
23. Виллани, 1997 Виллани Джованни. Новая хроника, или история Флоренции. М., 1997
24. Габриэли, 1978 Габриэли Ф. Данте и ислам. - Арабская средневековая культура и литература. М., 1978
25. Гадамер, 1988 Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988
26. Гайдук, 1971 Гайдук В.П. К вопросу о цветовой символике "Божественной комедии". - Дантовские чтения 1971. М., 1971
27. Голенищев-Кутузов, 1967 Голенищев-Кутузов И.Н. Данте и "новый сладостный стиль". - Данте и всемирная литература. М., 1967
28. Голенищев-Кутузов, 1967а Голенищев-Кутузов Н.И. Данте. М., 1967
29. Голенищев-Кутузов, 1971 Голенищев-Кутузов Н.И. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971
30. Голенищев-Кутузов, 1972 Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972
31. Грибанов, 1989 Грибанов А.Б. Заметки о жанре видений на Западе и Востоке. - "Восток-Запад": исследования, переводы, публикации. М., 1989
32. Гуковский , 1947 Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. М.-Л., 1947
33. Гуревич, 1981 Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981
34. Гуревич, 1984 Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984

35. Данте, 1894 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Перевод В.В Чуй ко. СПб. 1894. т. 1-Ш
36. Данте, 1968 Данте Алигьери. Божественная Комедия, перевод М. Лозинского. М., 1968
37. Данте, 1968а Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968
38. Данте, 1995 Данте Алигьери. Божественная Комедия, перевод А.А. Илюшина. М., 1995.
39. Дживелегов, 1933 Дживелегов А.К. Данте. М., 1933
40. Доброхотов, 1990 Доброхотов А.Л. Данте. М., 1990
41. Елина, 1965 -ЕлинаН.Г. Данте. М., 1965
42. Елина, 1967 Елина Н. Г. О художественном своеобразии "Божественной Комедии". - Данте и всемирная литература. М., 1967
43. Елина, 1971 Елина Н.Г. Поэзия "Новой Жизни". - Дантовские чтения. М., 1971
44. Елина, 1973 Елина Н.Г. Проза "Новой Жизни", "Новая Жизнь" как прозаическая поэзия. - Дантовские чтения. М., 1973
45. Елина, 1988 Елина Н.Г. Проза "Пира" Данте. К вопросу о жанре и структуре. - Средние века. вып. 51 М., 1988
46. Елина, 1993 Елина Н.Г. Преодоление противоречий средневекового мировидения в поэтике "Малых произведений" Данте. - Культура Возрождения и средние века. М., 1993
47. Жебар, 1997 Жебар Э. Мистическая Италия. Томск, 1997
48. Жизнеописание, 1993 Жизнеописание трубадуров. М., 1993

49. Зубов, 1962 Леонардо да Винчи. М.-Л., 1962
50. Ибн Сина, 1980 Ибн Сина Абу-Али. Трактат о Хайе, сыне Якзана,- в кн. Сагадеев А.В. Ибн Сина. М., 1980
51. Ибн Сина, 1999 Ибн Сина Абу-Али. Освещение. - Авиценна. Книга Знания. М., 1999. аль-Араби, 1995 Ибн аль-Араби. Мекканские откровения. СПб., 1995
52. Иванов, 1978 Иванов Вяч.Вс. Чёт и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978
53. Игнатенко, 1989 Игнатенко А.А. В поисках счастья: общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья. М., 1989.
54. Ильин, 1997- Ильин М.В. Слова и смыслы. М., 1997
55. Илюшин, 1976 Илюшин А.А. Эпизод Уголино в Божественной Комедии: опыт комплексного анализа. - Дантовские чтения. М., 1976
56. Кассирер, 1990 Кассирер Э . Сила метафоры. // Теория метафоры. М., 1990. аль-Кирмани, 1995 аль-Кирмани Хамид ад-дин. Успокоение разума. М., 1995
57. Козлова, 1982 Козлова С.И. "Божественная комедия" в искусстве художников итальянского Ренессанса. - Дантовские чтения 1982. М., 1982
58. Крачковский, 1957 Крачковский И.Ю. Избранные сочинения, Т. IV. М.-Л., 1957
59. Куделин, 1973 Куделин В.Б. Философские и морально-этические проблемы в поэме Юнуса Эмре "Рисалят ал-Нусхия",- Литература и время. М., 1973
60. Кузин, 1992 Кузин Б.С. О принципе поля в биологии - Вопросы Философии. 1992 № 5
61. Леви-Стросс, 1985 Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985

62. Лотман, 1972 Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972
63. Льюль, 1997 Льюль Рамон. Книга о любящем и возлюбленном. Спб., 199766. аль-Маарри, 1990 аль-Маарри Абу-ль-Аля. Послание о царстве прощения,-Избранное. М., 1990
64. Макарий , 1999 Макарий митрополит. Эсхатология Св. Григория Нисского. М, 1999
65. Малашенко, 1982 Малашенко И.Е. Мироззрение Данте и проблемы философской эволюции Сигера Брабантского. - Дантовские чтения 1982. М., 1982
66. Мандельштам, 1994 Мандельштам О.Э. Разговор о Данте,- Собрание сочинений в IV томах. Т. III. М., 1994
67. Мейтарчян, 1999 Мейтарчян М.Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999
68. Мережковский, 1997 Мережковский Д.С. Данте. Томск, 199772. ан-Наубахти, 1973 ан-Наубахти ал-Хасан ибн Муса. Шиитские секты. М., 1973
69. Наумов, 1976 Наумов Е.П. Политическая карта Европы 1300 года по оценке Данте. - Дантовские чтения 1976. М., 1976
70. Наумов, 1979 Наумов Е.П. Сословные монархии средневековой Европы и политические концепции Данте. - Дантовские чтения 1979. М., 1979
71. Наумов, 1985 Наумов Е.П. Данте об истории французского королевства. - Дантовские чтения 1985. М., 1985
72. Олимов, 1973 Олимов К. Мироззрение Санои. Душанбе, 1973
73. Ортега-и-Гассет, 1990 Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры. // Теория метафоры. М., 1990
74. Остин, 1986 Остин Дж.Л. Слово как действие. // Новое зарубежной лингвистике, вып. 17 М., 1986

75. Петрушевский, 1966 Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII - XV веках. Л., 1966
76. Прибрам, 1975 Прибрам К. Языки мозга. М., 1975
77. Пропп, 1986 Пропп. В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986
78. Рабинович , 1979 Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979
79. Рабинович, 1985 Рабинович В.Л. "Божественная комедия" и миф о философском камне. - Дантовские чтения 1985. М., 1985
80. Рикёр, 1995 Рикёр П. Конфликт интерпретация. Очерки о герменевтике. М., 1995
81. Ротенберг, 1982 Ротенберг В.С. Адаптивная функция сна, причины и проявления её нарушения. М., 1982
82. Ротенберг, Аршавский, 1984 Ротенберг В.С. Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М., 1984
83. Рутенбург, 1951 Рутенбург В.И. Очерки из истории раннего капитализма в Италии. М.-Л., 1951
84. Санаи, 2001 Санаи Газневи. Путешествие рабов божих к месту возврата. Пер К.В. Сергеева. М., 2002
85. Серебряков, 1971 Серебряков С.Б. Трактат Ибн Сины (Авиценны) о любви. Тбилиси, 1971
86. Сергеев К.В. "Универсальны" ли метафоры лидерства? Материалы к сравнительной типологии метафор лидерства в индоевропейских и японском языках. //Концептуализация политики. М. 2001.
87. Сергеев К.В. Распределённый разум и единичная рефлексия: от аверроизма к современным когнитивным исследованиям. // ИИЕТ. Годичная научная конференция М., 2002.

88. Сергеев К.В. Когнитивные модели и формирование религиозных институтов: античный протогностицизм. //Полис, 2002, №5.
89. Сергеев К.В. Периферийное знание в дискурсе креативности: социальные сети интересного. // Полис, 2003 №1.
90. Сергеев К.В. Интерпретационный кризис и "ментальные институты": опыт изучения институционализации индивидуальной рефлексии. // Когнитивные модели и институциональные трансформации. М., 2003
91. Сергеев К.В. Театр судьбы Данте Алигьери: введение в практическую анатомию гениальности. М. 2004.
92. Серль, 1986 Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое зарубежной лингвистике, вып. 17 М., 1986
93. Смирнов, 1993 Смирнов А.В. Великий шейх суфизма: опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби. М., 1993
94. Степанова, 2000 Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков. Спб., 2000
95. Стросон, 1986 Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах. //Новое зарубежной лингвистике, вып. 17 М., 1986
96. Тодоров, 1983 -Тодоров Ц. Понятие литературы.// Семиотика. М., 1983.
97. Толстов, 1948 Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948
98. Филмор, 1983 Филмор Ч. Основные проблемы лексической семантики, акт//Новое зарубежной лингвистике, вып. 12 М., 1983
99. Фильштинский, 1989 Фильштинский И.М. Представление о "потустороннем мире" в арабской мифологии и литературе. - "Восток-Запад": исследования, переводы, публикации. М., 1989

100. Фламини, 1915 Фламини Ф. "Божественная Комедия" Данте. М., 1915
101. Флоренский, 1991 Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. М., 1991
102. Хайдеггер , 2003 Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина. СПб., 2003
103. Хисматулин, Крюков, 1997 Хисматулин А.А., Крюков В.Ю. Смерть и погребальный обряд в исламе и зороастризме. Спб., 1997
104. Цымбурский, 1984 Цымбурский В.Л. Итало-этруский миф о великой горе по античным источникам. - Вестник Древней Истории, 1984, №4
105. Шаймухамбетова, 1979 Шаймухамбетова Г.Б. Арабоязычная философия средневековья и классическая традиция. М., 1979
106. Шахиди, 1985 Шахиди М. Абу Али ибн Сина- обитатель Лимба,-"Дантовские чтения" М., 1985 114. аш-Шахристани, 1984 аш-Шахристани Мухаммад ибн Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах. М., 1984
107. Шевкина, 1972 Шевкина Г.В. Сигер Брабантский и парижские аверроисты XIII века. М., 1972
108. Шичалин, 1985 Шичалин Ю.А. О некоторых образах неоплатонического происхождения у Данте. - Западноевропейская средневековая словестность. М., 1985
109. Шукуров, 1989 Шукуров Р. Азиз ад-дин Насафи и его трактат "Зубдат ал-хакаик". - Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989
110. Элиот, 1997 Элиот Т.С. Данте. - Элиот Т.С. Назначение поэзии. М., 1997
111. Якобсон, 1987 Якобсон Р. Взгляд на "Вид" Гёльдерлина //Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

112. Ярхо, 1989 Ярхо Б.И. Средневековые латинские видения. -"Восток-Запад": исследования, переводы, публикации. М., 1989. На европейских языках
113. Accame Bobbio, 1976 Accate Bobbio A. Presagi di Morte e rime della lode (Vita Nuova XI-XVII). - Nuove Letture Dantesche, 1976
114. Accardo, 1976a Accardo S. Morte di Beatrice e trasfigurazione (Vita Nuova XXVIII-XLII). - Nuove Letture Dantesche, 1976
115. Agliano, 1953 Agliano S. Il canto di Farinata. Lucca, 1953
116. Ammendola, 1962 Ammendola A. Il sogno del conte Ugolino e la sua tecnofagia. - Appunti danteschi. Napoli, 1962
117. Anderson, 1980 Anderson W. Dante the Maker. London, 1980
118. Andriani, 1961 Andriani B. La forma del Paradiso dantesco: il sistema del mondo secondo gli antichi e secondo Dante. Padua, 1961
119. Asin Palacios, 1984 Asin Palacios M. La escatologia musulmana en la Divina Comedia. Madrid, 1984
120. Badawi, 1968 Badawi A. La transmission de la philisophie greque au Monde Arabe. Paris, 1968
121. Baldan, 1992 Baldan P. Per un veltro dal substrato materico (Inferno I). - Italianistica, 1992, N. 2-3
122. Barbadoro, 1921 Barbadoro B. La condanna di Dante e la fazioni politiche del suo tempo. Studi danteschi, II, 1921
123. Barbadoro, 1924 Barbadoro B. La condanna di Dante e la difesa di Firenze guelfa. - Studi danteschi, 1924
124. Barbi, 1920 Barbi M. Guido Cavalcanti e Dante di fronte al governo popolare. - Studi danteschi, Vol I, 1920

125. Barbi, 1924 Barbi M. Il canto X dell'Inferno. - Studi danteschi, VIII, 1924
126. Barbi, 1932 Barbi M. Francesca da Rimini. - Studi danteschi, XVI, 1932
127. Barbi, 1952 Barbi M. Il canto di Farinata.- Dante: vita, opere e fortuna. Firenze, 1952
128. Battistoni, 1987 Battistoni G. Dante, l'Islam e altre considerazioni. -Labyrinthos, 1987
129. Battistoni, 1994 Battistoni G. Tramiti ebraici e fonti medievali accessibili a Dante, 1 Hilel ben Shemuel ben Eleazar di Verona. - Labyrinthos,1994
130. Battistoni, 1995 Battistoni G. Tramiti ebraici e fonti medievali accessibili a Dante, 2 Manoello Giudeo. - Labyrinthos, 1995
131. Battistoni, 1999 Battistoni G. Tramiti ebraici e fonti medievali accessibili a Dante, 3 Dante nell "Paradiso" di Manoello Giudeo. -Labyrinthos, 1999
132. Bellomo, 1990 Bellomo S. Dante e le città dell'esilio. - Italianistica, 1990 N. 1
133. Benvenuti, 1982 Benvenuti G. Storia della Repubblica di Pisa. Pisa, 1982
134. Biscaro, 1921 Biscaro G. Dante a Ravenna. Roma, 1921
135. Black, 1962 Black M. Models and Metaphors. Studies in Language and Philosophy. Ithaca-London, 1962
136. Blochet, 1901 Blochet E. Les sources orientales de la "Divine Comédie". Paris, 1901
137. Boccaccio, 1995 Boccaccio G. Trattatello in laude di Dante. Firenze,1995
138. Bosco, 1950 Bosco U. Contatti della cultura occidentale di Dante con la letteratura non dotto arabo-spagnola. - Studi danteschi, 1950

139. Botterill, 1994 Botterill S. Dante and the Mystical Tradition: the Figure of St. Bernard in Dante's Commedia. Cambridge, 1994.
140. Bruni, 1904 Bruni L. La vita di Dante. - Solerti A. Le vite di Dante, Petrarca e Boccaccio scritte fino al secolo XVI. Milano, 1904
141. Burnham, 1943 Burnham J. The Machiavellians. Chicago, 1943
142. Calistri, 1959 Calistri A. Canto V dell' Inferno. Perugia, 1959
143. Callenda, 1976 Callenda C. Per altezza d'ingegno. Saggio su Guido Cavalcanti. Napoli, 1976
144. Camilli, 1950 Camilli A. La cronologia del viaggio dantesco. - Studi danteschi, 1950
145. Cantor, 1996 Cantor P. The uncanonical Dante: the Divine Comedy and islamic philosophy. - Philosophy and Literature, 1996
146. Caretti, 1951 Caretti L. Il canto di Francesca. Lucca, 1951
147. Carli, 1954 Carli P. L' episodio del conte Ugolino. - Saggi danteschi, ricordi e scritti vari. Firenze, 1954
148. Carrara, 1970 Carrara M. Dante nella civiltà scaligera. Firenze, 1970
149. Casabianca, 1924 Casabianca G. Il conte Ugolino della Gherardesca. Pisa, 1924
150. Casella, 1925 Casella M. Il volgare illustre di Dante. Firenze, 1925
151. Cassata, 1969 Cassata L. Il disdegno di Guido. - Studi danteschi, XLVI, 1969
152. Cassata, 1981 Cassata L. La paternale di Guido. - Studi danteschi, 1981

153. Cassata, 1990 Cassata L. Per il testo delle "Rime" di Guido Cavalcanti. - *Italianistica*, 1990 N. 2-3
154. Cavalcanti, 1998 Cavalcanti Guido. *Rime*. Milano, 1998
155. Cavallari, 1921 Cavallari E. *La fortuna di Dante nel Trecento*. Firenze, 1921
156. Cerulli, 1949 Cerulli E. *Il "Libro della Scala" e la questione delle fonti arabo-spagnole della "Divina Commedia"*. Citta del Vaticano, 1949.
157. Cerulli, 1972 Cerulli E. *Nuove ricerche sul "Libro della Scala" e la conoscenza dell' Islamo in Occidente*. Citta del Vaticano, 1972
158. Chalmers, 1996 Chalmers D. J. *The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory*. New York-Oxford, 1996
159. Comparetti, 1997 Comparetti D. *Vergil in the Middle Ages*. Princeton, 1997.
160. Contini, 1976 Contini G. *Cavalcanti in Dante.- Un'idea di Dante*. Torino, 1976
161. Corbin, 1952 Corbin H. *Avicenne et le recit visionnaire*. Teheran, 1952
162. Corbin, 1983 Corbin H. *Cyclical Time and Ismaili Gnosis*. London, 1983
163. Corbin, 1990 Corbin H. *Spiritual Body and Celestial Earth: From Mazdean Iran to Shi'ite Iran*. London, 1990
164. Corti, 1951 Corti M. *Dualismo e immaginazione visiva in Guido Cavalcanti*. - *Convivium*, 1951 N. 5
165. Corti, 1983 Corti M. *La felicità mantale. Nuove prospettive per Cavalcanti e Dante*. Torino, 1983
166. Cosmo, 1930 Cosmo U. *Vita di Dante*. Bari, 1930

167. Crescini, 1902 Crescini V. L' episodio di Francesca. Padova, 1902
168. Culianu, 1991 Culianu I.P. Out of This World. Boston, 1991
169. Daftary, 1994 Daftary F. The assassin legend: myths of the Isma'ilis. London, 1994
170. Daniel, 1975 Daniel N. The Arabs and Medieval Europe. London -Beirut, 1975
171. Dante, 1925 Dante Alighieri. La Vita Nuova. A cura di G. Melodia. Milano, 1925
172. Dante, 1997 Dante Alighieri. Tutte le opere. Introduzione di Italo Borzi. Commenti a cura di Giovanni Fallani, Nicola Maggi e Silvio Zennaro. Roma, 1997.
173. Davis, 1957 Davis C.T. Dante and the Idea of Rome. Oxford, 1957
174. Del Noce, 1894 Del Noce G. Il conte Ugolino della Gherardesca. Cittadi Castello, 1894
175. Dennett, 1981 Dennett D.C. Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology. London, 1981
176. Dennett, 1991 Dennett D.C. Consciousness Explained. London, 1991
177. D'Entreves, 1952 D'Entreves A.P. Dante as a Political Thinker. Oxford, 1952
178. De Robertis, 1961 De Robertis D. Il libro della Vita Nuova. Firenze, 1961
179. De Sanctis, 1967 De Sanctis F. Il Farinata di Dante. - Lezione e saggi su Dante. Torino, 1967
180. Di Pino, 1973 Di Pino, G. L'antidantismo nelPeta di Dante: l'uno e l'altro Cecco. - Italianistica, 1973 N.2

181. Di Pino, 1992 Di Pino, G. Protagonisti e non protagonisti nel poema dantesco. - *Italianistica*, 1992, N.2-3
182. Dreyfus, Dreyfus, 1988 Dreyfus H.L., Dreyfus S.E. Making a mind versus modeling the brain: artificial intelligence back at a branchpoint. -*Daedalus*, winter 1988
183. Enciclopedia, 1970-1976 Enciclopedia dantesca. Roma, 1970-1976
184. Evlund, 1945 Evlund R. Life between Death and Resurrection according to Islam. Uppsala, 1945
185. Fallani, 1971 Fallani G. Dante e la cultura figurativa medievale. Bergamo, 1971
186. Ferrante, 1984 Ferrante J. M. The Political Vision of the Divine Comedy. Princeton, 1984.
187. Formichi, 1932 Fonnichi C. Dante and Persia. - *Journal of the K. R. Cama Oriental Institute*, 1932
188. Fornaciari, 1901 Fornaciari R. Ulisse nella Divina Comedia. - *Studi su Dante*. Firenze, 1901
189. Freccero, 1986 Freccero J. Dante's Ulysses: from epic to novel. -*Dante: Poetics of Conversion*. Cambridge, 1986
190. Frugoni, 1966 Frugoni A. Il Canto X dell'Inferno. - *Nuove Letture Danteschi*. Firenze, 1966
191. Fubini, 1966 Fubini M. Il peccato di Ulisse e altri scritti danteschi. Milano-Napoli, 1966
192. Galanti, 1983 Galanti L. La Lupa e il Veltro. La Chiesa e i nuovi Ordini Mendicanti nel pensiero politico-religioso di Dante. Mulazzo, 1983
193. Galanti, 1988 Galanti L. La Lunigiana nella Divina Commedia. Mulazzo, 1988
194. Galanti, 1993 Galanti L. Il secondo soggiorno di Dante in Lunigiana e la composizione del Purgatorio. Lunigiana, 1993l67

195. Gardiner, 1989 Gardiner E. (ed.) *Visions of Heaven and Hell before Dante*. New York, 1989
196. Gardiner, 1993 Gardiner E. *Medieval Visions of Heaven and Hell. A Sourcebook*. New York, 1993.
197. Gardner, 1968 Gardner E. *Dante and the Mystics: A Study of the Mystical Aspect of the Divina Commedia and its Relations with some of its Mediaeval Sources*. New York, 1968.
198. Gignoux, 1968 Gignoux Ph. *L'inscription de Kartir a Sar Mashad*.-*Journale Asiatique*, 1968
199. Gignoux, 1989 Gignoux Ph. *Le mage Kirdir et ses quatre inscriptions*. Paris, 1989
200. Gilson, 1948 Gilson E. *Dante the Philosopher*. London, 1948
201. Giordano, 1900 Giordano A. *Francesca da Rimini*. Napoli, 1900
202. Giordano, 1901 Giordano A. *L' Ugolino di Dante*. Napoli, 1901
203. Gorni, 1995 Gorni G. *Dante nella Selva. II primo canto della Commedia*. Parma, 1995
204. Gray, 1902 Gray L.Y. *Zoroastrian elements in muhammadan eschatology*.-*Le Museon*, II, 1902
205. Guinon, 1951 Guinon R. *L'Esoterismo di Dante*. Roma, 1951
206. Halperin D.J. *Hekhalot and Mi' raj: observations of the heavenly journeys in Judaism and Islam*. Collins J., Fishbane M. (ed.)*Death, Ecstasy and Other Worldly Journeys*. New York, 1995
207. Haskins, 1955 Haskins C.H. *The Renaissance of the Twelfth Century*. London, 1955
208. Hede, 1998- Hede J. *Dante in the hermeneutic circle of european consciousness*. *Workpepers of the University of Aarhus*, 1998

209. Hofstadter, 1979 Hofstadter D. Godel, Escher, Bach: an Eternal Golden Brain. New York, 1979
210. Hollander, 1969 Hollander R. Allegory in Dante's Commedia. Princeton, 1969
211. Hyde, 1986 Hyde, J.K. Society and Politics in Medieval Italy. The Evolution of the Civil Life, 1000-1350. London, 1986
212. Immanuelo Romano, 2000 Immanuelo Romano. L'Inferno e il Paradiso. Firenze, 2000
213. Jaynes, 1976 Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston, 1976
214. Koestler, 1972 Koestler A. Janus: a Summing Up. London, 1972
215. Lakoff, 1987 Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago-London, 1987
216. Lakoff, Johnson, 1980 Metaphors We Live By. Chicago-London, 1980
217. Lakoff, Turner, 1989 More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago-London, 1989
218. Levi Delia Vida, 1949 Levi Delia Vida G. Nuove Luci sulle fonti islamiche della "Divina Commedia". - al-Andalus, XIV, 1949
219. Levis, 1970 Levis A. The Islamic World and the West A.D. 622-1492. New York, 1970
220. Llull, 1954 Llull R. Libre d'Evast e Blanquerna. Barcelona, 1954 vol. III
221. Malato, 1997 Malato E. Dante e Guido Cavalcanti: il dissidio per la Vita Nuova e il Disdegno di Guido. Roma, 1997

222. Malvezzi, 1956 Malvezzi A. L'islamismo e la cultura europea. Firenze, 1956
223. Marcazzan, 1961 Marcazzan M. Il canto V dell'Inferno. Firenze, 1961
224. Matteini, 1965 Matteini N. Francesca da Rimini. Storia, mito, arte. Bologna, 1965
225. Mazzotta, 1979 Mazzotta G. Dante, Poet of the Desert: History and Allegory in the Divine Comedy. Princeton, 1979
226. McGinn, 1979 McGinn B. Visions of the End: Apocalyptic Traditions in the Middle Ages. New York, 1979
227. Modi, 1914 Modi J. J. An Iranian precursor of Dante and an Irish precursor of Dante. - Dante Papers. Bombay, 1914
228. Morello, 1937 Morello V. Dante Farinata Cavalcanti. Milano, 1937
229. Morgan, 1990 Morgan E. Dante and Medieval Other World. Cambridge, 1990
230. Nardi, 1930 Nardi B. Saggi di filosofia dantesca. Firenze, 1930
231. Nardi, 1937 Nardi B. La tragedia di Ulisse. - Studi danteschi, XX, 1937
232. Nardi, 1940 Nardi B. L'averroismo del "primo amico" di Dante. - Studi Danteschi. Firenze, 1940
233. Nardi, 1946 Nardi B. Sigieri di Brabante nel pensiero del Rinascimento italiano. Roma, 1946
234. Nardi, 1949 Nardi B. Dante e la cultura medievale. Bari, 1949
235. Nardi, 1960 Nardi B. Dal "Convivio" alla "Commedia". Roma, 1960
236. Nardi, 1960a Nardi B. Il punto sull'epistola a Cangrande. Firenze, 1960

237. Nardi, 1966 Nardi B. Dante e Guido Cavalcanti. - Saggi e note di critica dantesca. Napoli-Milano, 1966
238. Neri, 1912 Neri F. Dante e il primo Villani. - Il Giornale Dantesco, 1912 vol. XX
239. Nicholson, 1926 Nicholson R.A. An early arabic version of the mi'raj of Abu Yazid al-Bistami. - Islamica, II, 1926
240. Nicholson, 1944 Nicholson R.A. A Persian Forerunner of Dante (Sana'i). Towyn-on-Sea, 1944
241. Nuvoli, 1978 Nuvoli G. Le tre guide. - Italianistica, 1978, N. 3
242. Pagliaro, 1952 Pagliaro A. Il canto V dell' Inferno. Roma, 1952
243. Pareja, 1987 Pareja J.B. Pinturas sobre piel en la Alhambra de Granada. Granada, 1987
244. Parodi, 1920 Parodi E.G. Farinata. - Poesia e storia nella Divina Commedia. Napoli, 1920
245. Peters, 1968 Peters F. Aristotelis Arabus. The Oriental Translations and Commentaries on the Aristotelis Corpus. New York, 1968
246. Petrocchi, 1957 Petrocchi G. L'antica tradizione manoscritta della Commedia. - Studi Danteschi, 1957
247. Piattoli, 1950 Piattoli R. Codici diplomatico dantesco. Firenze, 1950.
248. Piromalli, 1966 Piromalli A. Gioacchino da Fiore e Dante. Ravenna, 1966
249. Popper, Eccles, 1977 Popper K., Eccles J. The Self and Its Brain. An Argument for Interactionism. London-Boston, 1977
250. Porrello, 1912 Porrello E. Francesca da Rimini. Caltanissetta, 1912

251. Rajna, 1921 Rajna P. Per la questione dell'andata di Dante a Parigi. -Studi danteschi Vol. II, 1921
252. Rand, 1966 Rand E.K. The Magical Art of Virgil. Hamden, 1966
253. Ricci, 1921 Ricci C. L'ultimo rifugio di Dante. Milano, 1921
254. Saccone, 1999 Saccone C. Il "Libro della Scala" di Maometto. Milano, 1999
255. Saccone, 1999a Saccone C. Viaggi e visioni di re, sufi, profeti. Milano, 1999
256. Said, 1978 Said E. Orientalism. New York, 1978
257. Sansone, 1961 Sansone M. Il canto X dell'Inferno. Firenze, 1961
258. Sapegno, 1976 Sapegno N. Introduzione alla "Vita Nuova". - Nuove Letture Dantesche, 1976
259. Skjaervo, 1983 Skjaervo P.O. Kirdirs vision: translation and analysis. Berlin, 1983
260. Skinner, 1978 -Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. 2 vol. Cambridge, 1978
261. Singleton, 1948 Singleton C.S. Essay on the Vita Nuova. Cambridge, 1948
262. Solmi, 1922 Solmi A. Il pensiero politico di Dante. Firenze, 1922
263. Southern, 1962 Southern R.W. Western Views of Islam in the Middle Ages. Cambridge, 1962
264. Stoyanov, 1994 Stoyanov Y. The Hidden Tradition in Europe. London, 1994

265. Taddeo, 1992 Taddeo E. Aspetti della temporalita in Guido Cavalcanti. - *Italianistica*, 1992, N.2-3
266. Thompson, 1976 Thompson D. *Dante's Epic Journeys*. Baltimore, 1976
267. Tondelli, 1944 Tondelli L. *Da Gioacchino a Dante*. Torino, 1944
268. Torre, 1966 Torre A. *I Polentani fino al tempo di Dante*. Firenze, 1966
269. Vahman, 1986 Vahman F. *Arda Wiraz Namag. The Iranian "Divina Commedia"*. London-Malmo, 1986
270. Valli, 1935 Valli L. *Ulisse e la tragedia inteliettuale di Dante. - La struttura morale dell'universo dantesco*. Roma, 1935
271. Vallone, 1976 Vallone A. *Apparizioni e disdegno di Beatrice (Vita Nuova, 1-X). - Nuove Letture Dantesche*, 1976
272. Venusi L. *Monografia sulla Francesca da Rimini di Dante*. Benevento, 1900
273. Villani, 1990 Villani G. *Nuova cronica*. Parma, 1990
274. Vinay, 1962 Vinay G. *Interpretazione della "Monarchia" di Dante*. Firenze, 1962
275. Vitetti, 1962 Vitetti L. *Il sonetto a Dante di Guido Cavalcanti*. Torino, 1962
276. Volpe, 1972 Volpe G. *Movimenti religiosi e sette ereticali nella societa medievale italiana (sec. XI-XIV)*. Firenze, 1972
277. Walker, 1993 Walker P.E. *Early Philosophical Shiism. The Ismaili Neoplatonism of Abu Ya'qub al-Sijistani*. Cambrige, 1993
278. Whitfield, 1949 Whitfield J. H. *Dante and Virgil*. Oxford, 1949

279. Wood, 1989 Wood Ch. The author's address to the reader: Chaucer, Juan Ruiz, and Dante. - Gallacher P.J., Damico H. (Ed.) Hermeneutics and Medieval Culture. New York, 1989
280. Yates F. Giordano Bruno and the hermetic tradition. London, 1991
281. Zanella, 1986 Zanella G. Itinerari eretical: patari e catari tra Rimini e Verona. Roma, 1986
282. Zingarelli, 1931 Zingarelli N. La vita, i tempi e le opere di Dante. Milano, 1931. На персидском языке
283. Аттар, 1371 Аттар Фарид ад-Дин. Мантик ат-тайр. Тегеран, 1371 г.х.
284. Афак ва анфус, 1970 "Пять философских трактатов на тему "Афак ва анфус". М., 1970
285. Дихлави, 1972 Дихлави Амир Хусрау. Хашт бихишт. М., 1972
286. Санайи, 1348 Санайи Газнави Абу-л-Маджд. Сайр ал-'ибад ила-л-ма'ад - Маснавихайе Хаким Санайи. Тегеран, 1348 г.х. 295. ас-Сухраварди, 1372 ас-Сухраварди Шихаб ад-Дин. Агл сарх. Тегеран, 1372 г.х.

Источник: <http://cheloveknauka.com/bozhestvennaya-komediya-kak-filosofskiy-tekst-k-istorii-predstavleniy-o-soznanii-v-srednie-veka>